

АВТОРЫ БЕСТСЕЛЛЕРОВ *NEW YORK TIMES*

БЕККИ АЛБЕРТАЛЛИ & АИША САИД

Перевод Екатерины Лозовик

ДА,
НЕТ,

ВОЗ-
МОЖНО

18+

Popcorn books. Rebel

Аиша Саид

Да, нет, возможно

«Popcorn books»

2020

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

Саид А.

Да, нет, возможно / А. Саид — «Popcorn books»,
2020 — (Popcorn books. Rebel)

ISBN 978-5-6047859-7-3

Джейми Голдберг – волонтер в избирательном штабе местного кандидата в сенат. Он очень любит свою работу, правда, старается оставаться за кадром. Поговорить с незнакомцами для него – большое испытание, а ходить по домам и агитировать за своего кандидата – сущий кошмар. Но тут он встречает Майю... У Майи Риман худшее лето в жизни. Лучшая подруга уехала в колледж, поездка в Италию сорвалась, родители разводятся, а теперь по настоянию мамы ей придется участвовать в агитации на местных выборах в паре с каким-то нескладным пареньком. Конечно, провести все летние каникулы, уговаривая соседей прийти на выборы, – не самое приятное занятие, но чем ближе голосование, тем сильнее накаляется атмосфера в штаб-квартире и тем сложнее становятся отношения Джейми и Майи.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-6047859-7-3

© Саид А., 2020
© Popcorn books, 2020

Содержание

Глава первая. Джейми	6
Глава вторая. Майя	13
Глава третья. Джейми	20
Глава четвертая. Майя	27
Глава пятая. Джейми	33
Глава шестая. Майя	41
Глава седьмая. Джейми	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Бекки Алберталли, Аиша Саид

Да, нет, возможно

Becky Albertalli and Aisha Saeed
YES NO MAYBE SO

© Е. Лозовик, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books, 2023

Copyright © 2020 by Becky Albertalli and Aisha Saeed

Jacket art © 2020 by Soumbal Qureshi

* * *

Стейси, Люси и Джону – с благодарностью

Глава первая. Джейми

– У апельсинов нет сосочков, – говорит Софи.

Я ставлю тележку около стенда, на котором возвышается пирамида фруктов, старательно игнорируя ее замечание. Как вы догадываетесь, некоторая часть меня не желает обсуждать с двенадцатилетней сестрой наличие или отсутствие сосочков у чего бы то ни было, стоя в продуктовом отделе «Таргета». И когда я говорю «некоторая часть меня», я имею в виду себя целиком.

– Значит, это танжело, – добавляет Софи. – Гибрид мандарина и грейпфрута. Вот у них...

– Рад за танжело, – я отрываю от рулона один пакет. – Слушай. Чем быстрее мы всё купим, тем быстрее сможем уйти.

Обычно мне не хочется уходить из «Таргета». Никогда не хочется. «Таргет» лучший. Это мой персональный рай. Но очень трудно думать: «Что угодно может случиться в этом огромном магазине», – когда я прихожу сюда в качестве мальчика на побегушках, которого двоюродный брат отправил за покупками. Гейб получил должность помощника руководителя избирательного штаба внеочередных выборов в нашем районе, а вместе с ней – и способность постоянно придумывать для нас с Софи какие-нибудь задания. Сегодня утром от него пришел список продуктов, которые надо купить для волонтеров: апельсины, виноград, шоколад, мини-пиццы, злаковые батончики, бутылки с водой. «НЕ БРАТЬ ЯБЛОКИ. НЕ БРАТЬ КРЕНДЕЛЬКИ». Вот так, большими буквами. Типичный Гейб. Похоже, тем, кто работает на холодных обзвонах, противопоказано все, что хрустит.

– Но похоже на сосочки, – бормочет Софи, пока я тянусь к танжело на верхушке пирамиды. Мне нравятся самые яркие: их будто подредактировал кто-то, выкрутив насыщенность цвета на максимум. Теперь еще парочку, и еще, потому что сегодня к Гейбу придет минимум человек десять.

– Почему апельсины? – недоумевает Софи. – Это же фрукт, который не съесть, не испачкавшись.

– С цингой борется, – пытаюсь шутить я, но тут автоматические двери разъезжаются в стороны, в зал входят две девушки, и я сразу теряю мысль.

Да-да, я не из тех парней, кто может вести себя адекватно в присутствии симпатичных девчонок. Вот так вот. Для начала тогда нам пришлось бы предположить, будто я в принципе могу вести себя адекватно. Да и не в том дело, что они симпатичные.

То есть... Слушайте, нет, они симпатичные. Обе примерно моего возраста, одеты так же, как одеваются все, кто проводит лето под кондиционерами Джорджии: толстовки с капюшонами на молнии, джинсы. Та, что пониже, – белая, в очках в квадратной оправе, с вьющимися темными волосами – возбужденно жестикулирует обеими руками, направляясь к тележкам. Но я глаз не могу отвести от ее подруги. Думаю, она откуда-то из Южной Азии. У нее широко распахнутые карие глаза и волнистые темные волосы. Слушая подругу, она улыбается и кивает.

Что-то в ней есть, что-то знакомое. Клянусь, мы уже встречались.

Она неожиданно поднимает глаза, словно почувствовав, что я на нее смотрю.

Все, мой мозг бесполезен.

Ага. Ага. Да. Она точно на меня смотрит.

Дрю, мой друг, точно знал бы, как поступить. Итак, передо мной симпатичная девчонка, и наши взгляды только что встретились. Причем мы виделись и раньше, я почти уверен в этом, а значит, начать разговор было бы легко. Все это происходит в «Таргете», в моей зоне комфорта. Если, конечно, можно говорить о зоне комфорта, когда встречаешь симпатичную девчонку.

«Чувак, просто заговори с ней. Богом клянусь, не нужно усложнять, – не представляю, сколько раз я слышал от Дрю эту фразу. – Поймай ее взгляд. Подними подбородок. Подойди ближе».

– Эй, влюбленный принц, – толкает меня Софи. – Я не могу понять, на которую из них ты смотришь.

Я тут же отворачиваюсь обратно к пирамиде из танжело, чувствуя, как горят щеки, и хватаю один фрукт, лежащий в нижнем ряду.

Конечно же, пирамида немедленно рассыпается.

Точнее, сначала она сотрясается, а потом – шлеп, шлеп, шлеп – это лавиной посыпались на пол апельсины. Я поворачиваюсь к Софи: она закрыла руками рот и просто смотрит на меня в испуге. Да что уж там: все на меня смотрят. Женщина, в тележке которой сидит ребенок. Парень за стойкой пекарни. Малыш, собравшийся закатить истерику у витрины с печеньками и замерший на полувскрике.

И конечно, две девчонки, которые стоят впереди нас, прямо по центру. Они будто остолбенели, вцепившись в тележку, и на лицах у них отражается одно и то же: «О нет!»

Шлеп. Шлеп. Шлеп. Без конца. Без перерыва.

И...

Шлеп.

Это был последний.

– Я...

– ...как персонаж в мультике, – заканчивает за меня Софи.

– Ага. Ладно. Сейчас я всё уберу. – И я опускаюсь на колени, где стоял, и начинаю передавать ей фрукты. – Ну-ка, возьми.

Еще несколько штук мне удастся собрать в сгиб локтя, но стоит попытаться встать, как они тут же рассыпаются снова.

– Черт!

Я наклоняюсь, чтобы собрать их, и вижу, как парочка танжело откатывается к стенду с яблоками, хотя, казалось бы, у них же сосочки – разве они не должны им мешать? Не вставая с колен, я перебираюсь к стенду, надеясь, что под ним танжело закатились не слишком далеко, и тут кто-то рядом громко прочищает горло:

– Так-так, приятель, давай-ка ты уйдешь от яблок.

Я поднимаю глаза и вижу аккуратного и подтянутого парня в красной футболке с торговым бейджиком. Кевин.

Вскочив на ноги, я тут же наступаю на один из танжело.

– Простите! Мне очень жаль!

– Эй, Джейми, – окликает меня Софи. – Посмотри на меня.

В руках у нее телефон.

– Ты что, снимаешь?

– Один маленький «бумеранг», – отвечает она. Потом поворачивается к Кевину. – Познакомьтесь с моим братом: кодовое имя – Растяпа фон Криворук.

– Я помогу тут все убрать, – быстро вставляю я.

– Да не-е, все в порядке. Я разберусь, – отмахивается Кевин.

Софи смотрит в телефон.

– А если я хочу отправить видео в BuzzFeed, на что нажать?

Краем глаза я замечаю движение: те две девушки в толстовках быстро уходят от нас по боковому проходу.

Стараются держаться подальше от меня, видимо.

Не могу их за это винить.

Двадцать минут спустя я уже паркую машину у вспомогательной штаб-квартиры Джордана Россума, который участвует в выборах в качестве сенатора от нашего штата. На самом деле это просто боковая пристройка к магазину эзотерических книг «Фоукс и Хорнтейл» на Розуэлл-роуд. Куда ему до капитолия штата Джорджия или хотя бы Коверделл-билдинг – он через дорогу, мама там работает с Джимом Мэтьюсом, одним из членов сената штата из Тридцать третьего округа. Вообще, весь комплекс зданий будто срисован с вашингтонского Капитолия: те же колонны, балкончики и гигантские арочные окна. На входе дежурит охрана, как в аэропорту, а внутри сплошь тяжелые деревянные двери, люди в строгих костюмах и стайки возбужденных детей, которые пришли на экскурсию.

Ну и конечно, роскошные туалеты с блестящей плиткой.

Об этих туалетах я знаю все.

В «Фоукс и Хорнтейл» никакой охраны нет. Я иду напрямую к боковому входу, стараюсь удержать в руках две дюжины бутылок с водой, за мной плетется нагруженная фруктами и закусками Софи. Мы так часто тут бываем, что стучать уже не имеет смысла.

– А вот и бублички, – слышу я голос Ханны, помощницы координатора площадки. Она говорит о нас, не о закусках. В Атланте есть сеть магазинов, торгующих бейглами и бубликами, называется «У Голдберга». А у нас фамилия Голдберг, и люди иногда... н-да. Но Ханна классная, поэтому я не возражаю. Она учится на младших курсах в колледже в Атланте и подает большие надежды, но этим летом будет жить у мамы, в пригороде, поближе к штаб-квартире избирательной кампании.

Она поднимает на нас глаза от стола, заваленного стопками опросников для устной агитации, Гейб еще называет их «обходными листами».

– Это для ребят, которые сегодня на обзвонах? Вы лучшие добытчики!

– В основном это моя заслуга, – сообщает Софи, передавая Ханне пакеты. – Я капитан команды добытчиков.

Ханна забирает у нее сумки и идет через комнату, но на этих словах оборачивается, смотрит на нас через плечо и смеется.

– Ага, хотя это я вел машину, вез тележку, нес воду...

– Но идея-то моя была. – Софи пихает меня локтем и широко улыбается.

– Да нас ведь мама заставила! Буквально!

– Ладно-ладно, зато я точно не роняла фрукты со стенда, так что...

Ханна возвращается и снова занимает место у стола.

– Вы ведь завтра придете, да?

– О, не сомневайся, – отвечает Софи. – Конечно, придем.

Мама никогда не разрешает нам пропускать мероприятия, которые проводит штаб Россума в рамках предвыборной кампании. Вот везение, да? Они всегда проходят одинаково: кругом тебя снуют люди с пластиковыми стаканчиками в руках и слишком уж запросто заглядывают тебе в глаза. Я забываю имена сразу же, стоит мне их услышать. А потом приезжает сам Россум, и все начинают вести себя чересчур бойко. Они смеются громче, поворачиваются к нему, подходят ближе и просят сделать совместное селфи. Россум, кажется, всегда немного озадачен этим. Но не в плохом смысле. У него всегда такое выражение на лице, словно он спрашивает: «Вы это точно обо мне?» Он впервые баллотируется на выборах, потому, видимо, и не привык к такому вниманию.

Россум здорово отличается тем, как умеет подать себя. Его предвыборные обещания тоже отличные: он очень современный и то и дело говорит, что пора поднять прожиточный минимум. Но главное – то, как он говорит. Ему ничего не стоит заставить тебя смеяться, или почувствовать, как по спине бегут мурашки, или осознать, как ты важен и нужен. Я часто думаю

о людях, которым удалось словами изменить мир. Патрик Генри¹, Соджорнер Трут², Джон Фицджеральд Кеннеди³, Мартин Лютер Кинг⁴. Да, знаю, Россум просто еще один кандидат на должность в сенате штата. Но он умеет превратить все это в важное событие. Эта предвыборная гонка – когда он говорит о ней, она кажется ключевой точкой в истории штата Джорджия. Тебе начинает казаться, будто ты свидетель исторических перемен.

Я вот не могу даже представить, чтобы мне удалось такое.

Завтра избирательный штаб проводит в местной мечети благотворительный обед для представителей всех конфессий. Мама, естественно, в невероятном восторге. Наша семья не слишком ревностно соблюдает традиции иудаизма, но ей ужасно нравятся все эти мероприятия, направленные на сплочение религиозных общин.

– Будет здорово, – заверяет нас Ханна, открывая крышку ноутбука. Потом вдруг замирает и снова поднимает взгляд. – Погодите-ка, вам ведь нужно вернуть деньги за покупки, верно? Гейб сейчас в комнате для важных гостей. Я его приведу.

Комната для важных гостей – это кладовка.

Буквально спустя минуту Ханна возвращается к нам снова. За ней идет Гейб. Он облачен в новенькую голубую рубашку на пуговицах, на груди которой я вижу наклейку с лицом Джордана Россума. Иногда нам говорят, что мы с Софи похожи на Гейба: мы все высокие, темноволосые, с орехового цвета глазами. Но у него губы более пухлые, брови дугой и жиденькая бородка, которую он старательно пытается отрастить. Гейбу двадцать три года – на целых шесть лет меня старше. Так что я не вижу никакого сходства.

Увидев нас, он хлопает в ладоши и улыбается.

– А я-то гадал, когда вы снова появитесь.

– Мы тут в понедельник были, – напоминает Софи.

– И в воскресенье, – добавляю я.

Но его это не смущает.

– Мы устраивали кое-что в рамках устной агитации, а вы все пропустили. Записались бы на свободное время. Или, может, сегодня вечером сможете заняться обзвонами? Будет весело. – Он произносит эту фразу очень высоким голосом и вскидывает руки ладонями вверх, словно хочет дотянуться до крыши. Я бросаю быстрый взгляд на Софи, которая, похоже, давится смехом. – Так что, придете? Вы нужны Россуму.

В этот раз я опускаю взгляд. Мне хотелось бы помочь Гейбу, но я вообще не гожусь для обзвонков. Разложить письма по конвертам? Пожалуйста. Подписать открытки? Еще легче. Я даже рассылал сообщения, которые Гейб называет «равный – равному», хотя, разумеется, я младше тех, кому уже можно голосовать, так что мы по определению не равны.

Но хуже всего устная агитация. Я не из тех, кто умеет разговаривать с незнакомыми людьми на улицах. И речь сейчас не о милых незнакомых девушках. Это всех касается. Я словно сам себе мешаю. Мои мысли никогда не добираются до языка без приключений. Это Софи может спокойно войти куда угодно, со всеми подружиться или присоединиться к любому разговору. Ей даже напрягаться не приходится. Софи просто по сути своей не застенчива. Однажды в пятом классе она пукнула в школьном автобусе, и ее это ужасно развеселило. Смутиться ей даже в голову не пришло. Будь я на ее месте, я бы сквозь землю провалился.

Возможно, есть люди, которые обречены вечно говорить невпопад. Или не говорить ничего: я вот в половине случаев просто заикаюсь, краснею и едва могу слово из себя выдавить.

---

¹ Патрик Генри – американский юрист и политический деятель, которого прославила речь на вирджинском совете, когда он сказал: «Дайте мне свободу или смерть!» – *Здесь и далее, если не указано иначе, прим. перев.*

² Соджорнер Трут – американская феминистка, известная речью «Разве я не женщина?».

³ Джон Фицджеральд Кеннеди – 35-й президент США, известный своей речью «Я – берлинец».

⁴ Мартин Лютер Кинг – американский общественный деятель, известный речью «У меня есть мечта».

Но лучше уж так, чем... Альтернатива этому в моем случае: сопли, немного рвоты и черные «оксфорды» сенатора Мэтьюса.

Просто давайте договоримся: я не мастер убеждать людей, и вы не хотите видеть меня на передовой своей избирательной кампании. Мне не суждено менять историю.

– Не знаю, – качаю я головой. – Я только...

– Это очень легко. – Гейб хлопает меня по плечу. – Просто зачитывай всё по сценарию. Давай вечером ты займешься обзвонами, а сейчас мы быстренько найдем тебе местечко в команде устной агитации.

– Э-э...

– У нас урок иврита, – говорит Софи.

– Очень мило. Большой Джей, я и не знал, что ты до сих пор учишь иврит.

– Я не...

Софи вскидывает на меня взгляд и поджимает губы. Перед вами типичное для Софи Голдберг выражение лица «Заткнись же, Джейми».

– Джейми учит иврит, – громко продолжает она, – потому что ему нужно освежить свои знания. Иначе как ему проверить, правильно ли я запомнила гафтару⁵.

Я быстро киваю.

– Гафтара. Ага.

– Ничего себе, – одобряет Гейб. – Повезло тебе с братом.

– Очень повезло. А ему повезло с сестрой, – говорит Софи, шлепая меня по руке. – Ужасно повезло. Даже слишком.

Я бросаю на нее косой взгляд.

– Иногда ты и правда ничего.

Однако карма безжалостна. Ух. Софи, может, и соврала насчет урока иврита, на который мы идем сегодня вечером, но стоит войти на кухню, и я понимаю: мы в аду, сопровождающем планирование бат-мицвы. Церемонии достижения религиозного совершеннолетия то есть. Мама и бабушка сидят бок о бок за кухонным столом перед маминым ноутбуком, и в этом нет ничего необычного. Бабушка всегда с нами. Она переехала сюда сразу после смерти дедушки; мне тогда было девять. Компьютер на столе тоже явление обычное: они обе обожают новые достижения техники. Мама иногда собирает аналитику по избирательным кампаниям для сенатора Мэтьюса, а бабушка – наша местная звезда социальных сетей.

Меня настораживает другое: сейчас четыре часа дня, а мама до сих пор в халате и работает из дома. Бумер, мастиф бабушки, нервно ходит вокруг стола, который выглядит так, будто на нем случился локальный бумажный апокалипсис: повсюду громоздятся макеты украшений, распечатки таблиц и списков, катушки декоративного скотча, папки и маленькие конвертики. Шансы выбраться сегодня с кухни до того, как придется складывать пополам стопку карточек с именами гостей, стремятся к нулю.

– Новые приглашения! – радостно восклицает Софи, ныряя в этот хаос.

– Сначала пускай бабушка закончит со списками. – Мама тянется за папкой побольше. – И посмотри, пожалуйста, на план этажа, чтобы мы понимали, как распределить гостей. Все в основном соберутся в банкетном зале: тут танцпол, тут будут столы, а по поводу буфета у меня есть два предложения. Либо сместим его в сторону, сюда, рядом с...

– Тэсса Эндрюс с удовольствием принимает приглашение. – Софи радостно закрывает открытку. – Вот. Же. Черт. Ура!

– Софи, не ругайся, – одергивает мама.

– По-моему, это и не ругательство.

---

⁵ Гафтара – отрывок из книги Пророков, завершающий чтение Торы по субботам.

– Это почти ругательство, – говорю я, усаживаясь рядом с мамой. Бумер кладет морду мне на колено и требует, чтобы ему почесали загривок.

– А вот и списки, – вмешивается бабушка.

– Софи, ты слушаешь? – спрашивает мама. – Насчет буфета: мы можем еще устроить его в этой дополнительной комнате в задней части. Но мне кажется, странно будет ставить столы с едой так близко к туалетам.

– Зато удобно, – пожимаю я плечами.

– Джейми! Ты отвратительный, – фыркает Софи.

– Да боже мой, я имел в виду, что руки будет мыть удобно!

Мама потирает лоб.

– Мне хочется как-то использовать все комнаты, раз уж мы все равно платим за их аренду, но...

– Слушай, – перебивает ее Софи, – а почему бы нам не сделать комнату для подростков?

Мама прищуривается, но Софи предупредительно поднимает в воздух палец.

– Сначала выслушай меня. Это отличная идея. Ты же пригласишь взрослых, всех своих друзей и семью, и вы соберетесь и устроите отличную вечеринку в банкетном зале, верно? А у нас в соседней комнате будет свой маленький праздник. Очень скромный.

– Это же смешно, – удивляется мама. – Почему ты не хочешь отмечать вместе со всеми?

– Я просто боюсь, что пожилым наша музыка не понравится, понимаешь? А так вы можете у себя поставить Shout или что вы там захотите. – Софи указывает пальцем на танцпол на плане зала. – А мы у себя будем слушать Трэвиса Скотта... и все довольны.

– Трэвис Скотт. Это папа Сторми? – переспрашивает бабушка.

– Праздновать в двух разных комнатах мы не будем, – говорит мама.

– Тогда зачем вообще спрашивать мое мнение? Зачем я здесь?

– Зачем здесь я – вот вопрос, – шепчу я Бумеру, который отвечает мне проникновенным взглядом.

Давайте честно: мама не хотела, чтобы я что-то решал, даже когда речь шла о подготовке моей бар-мицвы. Я даже тему праздника не смог выбрать. Мне хотелось что-то связанное с историческими событиями. Мама выбрала кругосветные путешествия, и все гости получили в подарок шоколадные паспорта.

На самом деле в итоге все получилось вроде бы и неплохо, но ирония в том, что я за всю жизнь успел побывать только в одной стране, кроме Америки. Мой папа живет в Утрехте, в Нидерландах, поэтому мы с Софи каждое лето уезжаем к нему на несколько недель. Все остальное время мы с ним почти не общаемся. Трудно объяснить, но когда он с нами – он только с нами: берет выходные дни на работе на время нашего приезда и все такое. Но с телефоном у него не задалось и с мессенджерами тоже – он даже по электронной почте редко пишет. А в Штаты приезжал за все эти годы, которые прошли после развода, только несколько раз. Не думаю, что он будет присутствовать на бат-мицве Софи: праздник ведь состоится прямо перед нашей летней поездкой. Мою бар-мицву папа тоже пропустил, хотя и прислал по почте подарочную коробку настоящих голландских вафель с карамелью. Я так и не решился сказать ему, что в «Крогере» продаются точно такие же.

– ...И Джейми скажет тост, – говорит мама.

Я вздрагиваю и вскидываю голову, пугая этим Бумера.

– Скажу что?

– Ты должен будешь сказать тост во время приема, перед тем как принесут халу. И потом хамотзи⁶, конечно.

– Не буду я ничего говорить. – У меня все внутри сжалось.

---

⁶ Хамотзи – благословение над хлебом.

– Ну же! Тебе это будет полезно. – Мама ерошит мне волосы. – Отличная практика и совсем не страшно. Ведь тебя будут слушать только члены семьи и друзья Софи.

– Ты хочешь, чтобы я встал и сказал речь перед целой комнатой подростков.

– Почему тебя это так смущает? Ты-то ведь в этом году идешь в выпускной класс. А они даже до девятого не доросли.

– Что ж... – я качаю головой. – Звучит чертовски страшно.

– Джейми, не ругайся, – немедленно вставляет Софи.

– Почему бы тебе не обдумать пока эту идею, бубалех? – вмешивается с мягкой улыбкой бабушка. – Там будут не только подростки. Придет Дрю, Фелипе и его друг, твои двоюродные братья.

– Нет. – Мама кладет руку мне на плечо. – Никаких уговоров. Джейми может разочек выйти из своей зоны комфорта. Ради Софи. Она ведь его сестра!

– Точно, сестра, – поддакивает Софи.

– Но братья обычно этого не делают! Почему тебе такое вообще пришло в голову? Из нас всех тост следовало бы произносить тебе!

– Сестра Андрея Джейкобса произносила тост, – возражает Софи. – И брат Майкла Герсона, и брат Элси Фейнштейн – хотя он, по-моему, просто сказал: «Мазл тов!» – и рыгнул в микрофон. Не делай так. И кстати, а ты можешь написать тост в стихах?

– Я пошел, – говорю я, резко вставая со стула.

– Джейми, не нужно драмы, – просит мама. – Для тебя это отличный шанс.

Я ничего не отвечаю. Даже не оглядываюсь.

Просто не могу. Мне правда жаль. Без обид, Софи. Поверь, я бы хотел быть тем классным старшим братом, который может встать и сказать речь, которая окажется одновременно трогательной и забавной. Хотел бы очаровать всех ее друзей и найти верные слова. Софи, наверное, заслуживает всего этого. Но стоит мне подумать о том, чтобы встать перед заполненным людьми банкетным залом, подбирая фразы и стараясь не подавиться, не закашляться и не спалить все здание... Невозможно. Это работа для какого-то другого Джейми, но у нас, к сожалению, есть только я.

Глава вторая. Майя

У Сары есть цель. Мне, как лучшей подруге, полагается во всем ее поддерживать. Но мы уже сорок пять минут ищем свое недостижимое сокровище, а оно по-прежнему недостижимо. Что мы ищем? Мусорку. И нет, это не метафора. Все это время мы провели в поисках корзины для мусора.

– Она должна быть где-то здесь, – бормочет Сара. – Когда Дженна утром звонила и уточняла наличие, в магазине было три штуки.

Я пытаюсь подавить зевок, разглядывая спящих мимо людей с красными тележками.

– Мне казалось, вы на прошлой неделе выбрали другую тему, и ты мне об этом писала.

– Да, а потом Дженна нашла кое-что получше, и это оформление с нашей спальней сочетается просто отлично. Не хватает только мусорки.

– Все еще не понимаю загвоздки. Это же просто мусорка.

– Не «просто мусорка», а «идеальная мусорка», Майя. – Глаза Сары блестят. – Она выглядит винтажнo. Сама сейчас увидишь!

Я улыбаюсь и киваю, хотя на самом деле мое присутствие здесь объясняется предельно просто: даже если нам трижды придется прочесать отдел товаров для дома, я все равно рада буду сделать это бок о бок с Сарой. Она успевает сидеть с малышами, вести занятия по плаванию в «Ассоциации молодых христиан» и подрабатывать в магазине сладостей «Скитерс», то есть летом занята не меньше, чем на протяжении всего своего выпускного года. Я до сих пор не успела рассказать ей, что случилось у меня в семье. И стоит подумать об этом сейчас, как внутри все снова скручивается в узел. Потому что, пока я в магазине, мой папа собирает свои вещи в коробки.

Я шарю в сумочке в поисках телефона, пальцы задевают паспорт. Его доставили вчера. Когда я достаю его, меня снова охватывает грусть. Мы должны были лететь в Италию через два дня после окончания Рамадана. Но сразу после того, как я заполнила анкету на получение паспорта, поездка канула в Лету – как и брак моих родителей. Я смотрю на фотографию. Иногда мне кажется, существует особое правило, согласно которому на снимках размером с марку человек должен получаться ужасно. В качестве подтверждения своей теории могу предоставить водительские права, членскую карту «Ассоциации молодых христиан», а теперь и новый паспорт: на фотографии в нем я похожа на очень мрачного дятла. С другой стороны, учитывая все, что случилось после, уже не так и важно, как я там выгляжу.

– Не так уж и плохо, – сообщает Сара, заглянув мне через плечо.

– Но и не здорово.

– Это же фотография на паспорт, – она тычет в меня пальцем. – Ее главная задача – помочь тебе оказаться там, где ты хочешь быть.

Мне приходится закусить губу. Узнав о том, что происходит между родителями, я сразу же захотела поделиться своими переживаниями с Сарой, но она была так занята. И я все не могла найти подходящий момент. НО...

– Ладно... – Я перевожу на нее взгляд. – Давно собиралась тебе сказать. В Италию я не еду. Думаю...

– Серьезно? – Сара резко оборачивается ко мне. – Не поверишь! Мне только сегодня пришло сообщение от семьи, которая ищет ребенку няню на полставки! Было ужасно неловко, потому что я занята и не могу им помочь, но что, если я предложу им связаться с тобой? Мама Джесси знает все обо всех нянях в округе, поэтому для тебя это может стать шансом присоединиться к нам.

Поворот такой неожиданный, что какое-то время я только моргаю. Сара права. Я уже целую вечность пытаюсь стать частью сложной и разветвленной системы, объединяющей тех,

кто работает в нашем районе нянями, – но можно ведь было спросить, почему я не еду в Италию. Наверное, стоит прервать Сару и объяснить, несмотря на весь ее энтузиазм. С другой стороны, мы так долго не виделись...

– Я смогу по утрам, – говорю я. Мама почти каждый день работает из дома до полудня, а значит, я смогу брать ее машину.

– Джесси – самый классный малыш на свете, – продолжает Сара, параллельно набирая сообщение. Потом прячет телефон. – Даже не представляю, что бы я без тебя делала. Искать здесь мусорную корзину – все равно что искать иголку в стоге сена. Она ведь может быть в любом отделе. Среди товаров для кухни. Или для ванной. Или для хранения.

– Так странно, что ты не на работе, – отвечаю я.

– Мне тоже. Но из-за проблем с трубами бассейн сегодня закрыт, а все мои занятия перенесли на другие даты. И я весь день предоставлена сама себе, представляешь!

– Как насчет совместного ужина после того, как пост закончится? – предлагаю я. Если она согласится, мы сможем сесть и нормально поговорить. Мне становится чуточку легче от одной мысли о том, что я наконец расскажу Саре о родителях. Она, скорее всего, постарается расшевелить меня, а потом посоветует не заикливаться на этом, не более, – она всегда именно это и делает, когда я ей жалуюсь на жизнь. Но если кто и сможет найти повод для шутки в том, что моя семья разваливается, – это Сара.

– Пойдем в «Зрелый гриб», как раньше? Мы там тысячу лет не были.

– Три недели и два дня, – поправляю я. – Нет, я не считала, хотя...

– Прости. – Она бросает на меня виноватый взгляд.

– Не страшно. У нас впереди все лето.

А осенью она уедет в университет Джорджии. Я стараюсь не думать о том, что до Афин два часа по пробкам. И мы в Атланта, поэтому пробки точно будут.

– Да, кстати... – Сара прикусывает губу. – Насчет августа я не уверена.

– Что такое?

– Дженна берет второй летний курс при университете, а Эшли, ее подруга, работает управляющей в книжном «Эвид». Сегодня утром у меня было с ними собеседование по скайпу.

– Значит, ты уедешь не в августе, а раньше?

– Возможно. Я пока даже не знаю, возьмут ли они меня на работу. Эшли говорит, у них просто миллион кандидатов. Но если все получится, ты, считай, выиграла главный приз. – Сара подмигивает мне. – Не сомневаюсь, у них есть отличная скидка на книги для сотрудников. И я про тебя не забуду.

Что ж. Она все равно уезжает. Просто Сара весь учебный год была так занята, а я так надеялась, что хотя бы летом мы сможем найти время и обменяться новостями. Разочарование проходит по мне катком. Вот они, минусы дружбы с теми, кто старше тебя на один учебный год.

– О боги. – Сара снова достает телефон. – Дженна нашла еще одного парня, который, по ее экспертному мнению, мне идеально подходит. – Она поворачивает экран ко мне. С него широко улыбается парень с нарочито-небрежной стрижкой.

– Симпатичный.

– Я еще даже в общежитие не заселилась, а она уже начинает, – вздыхает Сара.

– Тебе уже пора снова найти себе кого-нибудь. Это весело.

Сара ни с кем не встречалась с тех пор, как в прошлом году рассталась со своей девушкой, Амары. Они были вместе очень долго.

– Весело, говоришь? Ладно-ладно. Я скажу ей, чтобы она и тебе кого-нибудь подыскала!

– Сара-а... – Я пихаю ее плечом.

– Ты все равно подумай, – ухмыляется она. – Мы могли бы ходить на двойные свидания!

– Ага. Так и будет.

Я закатываю глаза. Потому что дела обстоят следующим образом: все мусульмане по-разному относятся к отношениям и свиданиям (это вполне логично, нас ведь больше миллиарда), но мои папа и мама твердо уверены – в старших классах я не должна ни с кем встречаться. Да, они не такие строгие, как родители Лилы, которой вообще нельзя проводить время с мальчиками, и точка, но отношения для них священные, они всегда это говорят. И им не кажется, что встречаться только ради того, чтобы встречаться, без перспективы совместного будущего, – это хорошая идея. Я редко об этом говорю, потому что рассуждать о таких вещах, когда тебе семнадцать, – странно. Только Сара обо всем знает и считает, что это безумие, которому я потакаю, но на самом деле я-то как раз понимаю, откуда у мамы с папой такие мысли. Отношения – сложная штука, а в моей жизни и так слишком много всего меняется сейчас. Незачем добавлять в эту безумную смесь еще что-то. Однако, если на моем пороге не появится прямо сейчас мистер Дарси из «Гордости и предубеждения» и не заявит о своем желании вечно быть мне преданным, я в эти игры не играю.

– Вот она! – кричит Сара, вырывая меня из размышлений. Мы как раз дошли до отдела, который называется «Снова в школу». Полки здесь уставлены милыми светильниками и будильниками. Между ними уютно устроились пять разных односпальных кроватей: на каждой разные комплекты белья, одеял и диванных подушек.

Сара бросается вперед, хватая металлическую корзину для бумаг и осторожно водружает в тележку, будто это не мусорка, а хрупкое произведение искусства. Потом делает фотографию и немедленно ее отправляет.

– Не знаю, почему мы не пошли сюда первым делом. И она последняя осталась!

– Чудесно, – улыбаюсь я, изо всех сил стараясь излучать одобрение. Вот только сильно ли вас может порадовать корзина для бумаг?

– Дженна написала и попросила еще посмотреть шторы. – Сара толкает тележку одной рукой, а в другой зажат телефон. Я тороплюсь за ней.

– Такие, чтобы сочетались с небесно-голубым или кремовым?

– Ага. Так что скажи мне, если заметишь красивые.

Я иду рядом с ней между рядами штор, а потом среди ковриков. Сара то и дело отправляет Дженне фотографии. Ощущение такое, словно мы тут ходим втроем. Но это не страшно. Честное слово.

Перед поворотом в следующий ряд я замираю и говорю:

– Влюбленный кексик прямо по курсу.

Сара вздрагивает и смотрит в нужном направлении, широко раскрыв глаза.

Да, это и правда Кевин Маллен, парень из нашей школы. Он идет по центральному проходу прямо к нам, потягивая кофе со льдом из стаканчика. В школе он обычно носит лоферы, джинсы и элегантные рубашки навыпуск. Но сейчас на нем униформа «Таргета»: удобные кроссовки, штаны цвета хаки и ярко-красная футболка. С Кевином мы знакомы с седьмого класса, и, по-моему, я ни разу не встречала человека, которому он бы не нравился. Это самый спокойный и милый парень в округе. В четырнадцать лет у него была совершенно устрашающая стрижка под горшок, но никто и глазом не моргнул. В прошлом семестре мы познакомились немного ближе, потому что вместе делали презентацию, посвященную Первой поправке к Конституции (это та, которая гарантирует свободу слова и печати). Мы даже пару раз сходили вместе с ним и с Сарой к «Минчи» за замороженным йогуртом. В общем, друзьями нас не назвать, но все шансы подружиться были. До тех пор, пока два месяца назад он не принес Саре целый пакет ее любимых шоколадных кексов и не сообщил ей о своих чувствах. Сара честно сказала, что не может ответить ему тем же, и Кевин отреагировал на эту новость в своем фирменном стиле: признался, что расстроен, но все понимает. И с тех пор уже ничего не было по-прежнему. Сара старалась избегать его, если успевала заметить заранее. Когда он собирал рассыпанные апельсины, мы успешно проскочили мимо, но сейчас прятаться уже поздно. Кевин нас увидел.

– Эй, привет! – Он подходит ближе. Сара быстро опускает глаза на экран телефона.

– Я не знала, что ты здесь работаешь, – говорю я.

– Помощник управляющего. – Он гордо демонстрирует значок. – И должен заметить, денек сегодня непростой.

– Верю. Что происходит? – спрашиваю я, и в ту же секунду меня задевает своей тележкой какая-то женщина. – Ощущение такое, словно вы оказались на пути миграции стада антилоп гну.

– Сейчас дни Летней Тройки, – объясняет он. – Сначала распродажа к Четвертому июля, потом полная распродажа товаров для плавания, и сразу за ней – акция для тех, кто начинает готовиться к школе заранее. Тут до августа зоопарк будет. – Взглянув на Сару, Кевин слегка краснеет. – Ты ведь скоро уезжаешь? В Университет Джорджии, да?

– Да, – с вежливой улыбкой отвечает Сара.

– Надеюсь, они меня примут в следующем году в баскетбольную команду. У них очень сильные игроки.

– Точно. – Сара расцветает, словно по волшебству забыв про неловкость. – Тебе стоит съездить туда и посмотреть, вдруг не понравится.

– Да не-е, если они дают хорошие условия для стипендиатов, мне точно понравится.

Сара раздражается длинной речью о том, насколько хороши Афины вообще и Университет Джорджии в частности. Мне стоит большого труда удержаться от смеха. Не поймите меня неправильно, в Университете Джорджии отличная программа для ветеринарных врачей, поэтому я совершенно не против там учиться, если смогу поступить, но увлеченность Сары своей альма-матер уже давно вышла на другой уровень. Рассеянно думая о своем, я слышу оповещение о новом сообщении.

Мама: Ты где?

Майя: В «Таргете», помогаю Саре с покупками.

Мама: Когда закончите?

Майя: Уже заканчиваем.

Мама: Захвати красные и синие тарелки и салфетки для ифтара⁷, чтобы у нас были запасные. И возвращайся поскорее. Нужно собраться всей семьей, поговорить.

Я кидаю телефон обратно в сумочку. Не хочу я собираться и разговаривать обо всем этом! Хочу делать вид, что ничего не происходит.

Мы прощаемся с Кевином, а потом идем за тарелками и салфетками, как мама и просила.

– Все прошло неплохо, – говорит Сара, провожая взглядом удаляющуюся спину Кевина.

– Ага, – киваю я, чувствуя небольшое облегчение. – Пожалуйста, скажи мне, что завтра ты свободна. Мне нужна компания на ифтар, который проводят в рамках подготовки к выборам. Еда будет отличная.

– Я буду с ребенком сидеть. Прости.

Я как раз собираюсь предложить отправиться в «Периметр-молл», чтобы провести там время до ужина, но тут у Сары жужжит телефон. Она опускает взгляд на экран и тут же мрачнеет.

– Дженна решила выбрать другие цвета для вашей комнаты? – спрашиваю я.

– Это Лукас, – морщится она. – Он сломал запястье. Просит подменить его сегодня вечером в «Скитерс».

– Что? – пишу я. Голос у меня вдруг стал на две октавы выше. – А они не могут кого-то другого найти?

---

⁷ Ифтар – вечерний прием пищи во время месяца Рамадан.

– Моя очередь. Прости, Майя. Я правда очень хотела спокойно поболтать. – Она снова смотрит на экран телефона. – По-моему, вечером в пятницу я свободна. Могу написать маме Хена, спросить, нужна ли я ей, а потом связаться с тобой.

Я пожимаю плечами. И вовсе я не собираюсь дуться на то, что моя лучшая подруга пытается впихнуть меня в свой график, словно собирается встречаться не со мной, а со своим стоматологом. Она же ведь не уезжает совсем скоро, так что мы сможем видеться только на каникулах, ничего такого. Ага.

Не хочу я обо всем этом разговаривать.

Если бы вы спросили меня, что я выберу: сидеть сейчас на кушетке напротив родителей или сунуть руку в осиное гнездо... Нет, гнездо я не предпочту, конечно, но мне точно нужно будет обдумать предложение.

Мои родители вообще-то классные, обычно мне нравится проводить с ними время. И даже моменты, когда мы вот так сидим напротив друг друга в гостиной, случаются нередко, особенно в Рамадан, когда надо скоротать несколько часов до ифтара и можно будет прекратить дневной пост. Обычно мы играем в «Доббль», «Уно» или «Пандемию» (да, мой папа – зануда).

Но не сегодня. Сегодня мы собрались не для того, чтобы провести время вместе.

Вместо этого мы пытаемся разобраться, как жить в будущем, в котором мы больше не семья. Я до сих пор не отошла от этой новости. От того, что папа уедет. Что это к лучшему. Что они не хотели до такого доводить. Мои родители спрашивают у меня, какие цветы посадить у почтового ящика весной и в какой цвет покрасить столовую, но о том, что наша семья рассыпается на части, они меня поставить в известность не сочли нужным.

Конечно, это не должно было так меня потрясти. Я ведь слышала их ссоры с середины учебного года. Видела расстеленную постель в комнате для гостей. Просто мне казалось, они смогут с этим справиться, что бы «это» ни было. Мы же семья. Члены семьи ссорятся. А потом мирятся и продолжают жить дальше. И до этого дня мне в голову не приходило, что «жить дальше» может означать не то, о чем я все это время думала.

– Майя?

Они выжидающе на меня смотрят.

– Грузчики приедут завтра, – говорит мама. – Днем.

– Офис аренды все еще пытается отыскать для меня дополнительный ключ, – добавляет папа. – Я тебе передам его сразу же, как получу.

– У тебя есть какие-то вопросы? – Это мама.

– Например?

– Обо всем... – Мама указывает на собранные наполовину коробки, которые стоят вокруг. – Какие-нибудь мысли?

– Поздно для мыслей, разве нет?

– Мы просто хотим быть уверены, что у тебя все в порядке, – говорит папа. – Если ты хочешь сказать что-то, мы готовы выслушать.

– Вы уже определились с датой? – Я прочищаю горло. – До какого числа вы хотите жить отдельно?

Жить отдельно. Эти слова тяжело срываются с языка, как будто каждое весит тонну, а я немедленно начинаю думать о разводах и неуютных судьях с деревянными молоточками.

– Мы пока не знаем. Разберемся по ходу дела, – отвечает мама.

– Это как понимать?

– Я снял квартиру в краткосрочную аренду, ее нужно продлевать каждый месяц, – объясняет папа.

– И все равно я не понимаю, зачем вы делаете это сейчас. Во время Рамадана.

– Конечно. Но Рамадан подходит для таких вещей как нельзя лучше, – говорит мама. – Мы же должны весь месяц разбираться в себе. Надеюсь, время, проведенное в разлуке, поможет нам собраться с силами и понять, как быть дальше.

– Значит, в конце Рамадана, – уточняю я. Еще двенадцать дней. Не так уж плохо.

– Мы не уверены, – мягко поправляет папа. – Возможно, нам понадобится только двенадцать дней. Возможно – больше.

Уиллоу, моя кошка, проходит мимо, трется о мою ногу и уходит на кухню. Жужжит оповещение на телефоне.

Сара: Черт, прости. Бабушка Джесси сама с ним посидит. Я буду держать тебя в курсе, вдруг еще кто-то напишет.

– Ты не могла бы отложить телефон? – просит мама. – Мы понимаем, что сейчас в твоей жизни многое меняется.

– Спасибо за предупреждение.

– Майя, – вздыхает мама.

– Ты уже придумала, чем занять освободившееся время на каникулах? – спрашивает папа. – Я нашел несколько дневных лагерей, куда пока можно попасть. В «Мерсере», например, можно взять уроки робототехники. И в том танцевальном лагере, который рядом с маминой работой, еще два места осталось.

Танцевальный лагерь? Робототехника? Я молча смотрю на него, потом говорю:

– Я позвонила в общество спасения. Сейчас у них достаточно волонтеров, но они обещали перезвонить в следующем месяце. И Сара, возможно, пристроит меня работать по утрам няней. – Я перевожу взгляд на маму. – Так что смогу возвращать тебе машину как раз к моменту, когда ты едешь на работу.

– Я как раз хотела поговорить с тобой об этом. В следующие несколько недель у меня поменяется график. Крис передал мне очень запутанное дело, которое должно попасть в суд. Мне придется ездить в офис каждый день, пока мы с ним не разберемся.

– Ты, блин, шутишь, что ли?

– Майя, следи за языком!

– Черт... То есть... Прости. – Я морщусь. Суть Рамадана ведь не в том, чтобы ничего не есть от восхода до заката. Мы должны быть терпеливы, должны стать лучшими версиями самих себя. Но это все уже... совсем не смешно.

– И как я тогда буду ездить к папе?

– Тут четыре минуты от двери до двери...

– Четыре минуты на машине, – поправляю я.

– Я зарегистрирую тебя в приложении такси, – говорит папа. – Честное слово, здесь совсем недалеко, это даже за переезд не считается.

Хочу отдельно отметить: еще как считается. Переезд – это всегда переезд. И как мне быть с Уиллоу? Она впадает в панику, даже если мы просто горшок с цветком в другой угол комнаты переставляем. И что теперь, мне придется катать ее из одного дома в другой на чужих машинах? Но я даже сказать ничего не могу, потому что глаза щиплет от слез.

Папа и мама смотрят на меня с маленького диванчика, такие еще называют «диванами для поцелуев». Иронично. Чего они ждут? Прощения? Слез? Я вот только и жду возможности убежать так далеко, как только смогу, и никогда не оглядываться.

Потому что перемены пугают не только Уиллоу. Когда компания, которая производит мой любимый йогурт, сменила шрифт на упаковке на более крупный, я ужасно злилась. А когда парикмахер случайно обрезала на семь сантиметров больше, чем обычно, я носила пучок, пока

волосы не отросли до прежней длины. Так что давайте просто признаём: я не слишком хорошо приспосабливаюсь к переменам.

Но обо всем этом я не говорю. И даже не шевелюсь. Просто смотрю на журнальный столик и изо всех сил стараюсь не плакать, потому что, кажется, не смогу остановиться, если начну.

Знаете почему?

Потому что это, нахрен, жуть.

Глава третья. Джейми

– Тук-тук, – говорит бабушка вместо того, чтобы просто постучать. Раньше это казалось мне ее забавной особенностью. Теперь я знаю: она делает так потому, что в руках в этот момент держит поднос с едой, или собаку, или и то и другое.

Я сажусь на кровати и зеваю.

– Доброе утро.

Бабушка не заходит, только приоткрывает дверь.

– Милый, можешь не торопиться, но завтрак уже на кухне и ждет.

– Ага. Спасибо. – Я потираю глаза. – А ты?..

Щелкает замок на двери: бабушка уже ушла. Я снова зеваю и снимаю телефон с зарядки. Как обычно, за это время в общем чате накопился примерно миллион сообщений. Я просматриваю самое последнее, от Фелипе.

«Значит, завтра в девять Ты даже не представляешь, на какие жертвы я ради тебя иду».

Пока я листаю сообщения вверх, передо мной разворачивается хронология переговоров: Дрю рассказывает, какая горячая штучка Бет, девушка-бегунья, а потом прозрачно напоминает, что утренняя «группа поддержки» должна присоединиться к нему на школьном стадионе.

На часах 8:15. Обычно я стараюсь так рано в чат не писать. Не потому, что звук оповещения кого-то разбудит – Дрю и Фелипе способны проспать не только сигнал телефона, но и бурю, сирену тревоги – да что угодно. Но когда ты первым пишешь утром в общий чат – это как-то в целом не круто. А я всегда первый. Каждое утро. В такие моменты я чувствую себя тем парнем, который приходит на вечеринку точно в указанное в приглашении время. Точнее, чувствовал бы, если бы меня звали на вечеринки.

С другой стороны, нет смысла пытаться убедить Дрю и Фелипе, будто я, вопреки обыкновению, всю ночь безудержно веселился в какой-нибудь компании. Так что я отправляю в чат стикер с поднятым большим пальцем. А потом погружаюсь в обычную рутину: принять душ, почистить зубы, прополоскать рот, нанести дезодорант, надеть чистую одежду, все такое. Не знаю уж, какая из меня «группа поддержки», но я по крайней мере буду приятно пахнуть.

Когда я спускаюсь на кухню, мама и бабушка уже заняли свои обычные места, в руках у каждой – чашка кофе. Завидев меня, Бумер, лежавший у бабушкиных ног, тут же вскакивает.

– Доброе утро, солнышко! – Бабушка слегка треплет меня по плечам и целует в щеку. – Смотри-ка, нарядился. Сейчас я достану твой завтрак из духовки. Ты куда собрался?

– Дрю ждет, что я помогу ему понравиться какой-то девчонке.

– Разве он не встречается уже с той девушкой из «Стейк и шейк»? – поднимает на меня глаза мама, до того поглощенная чтением новостей.

– Они просто зависали вместе. Ничего такого... – Глядя, как бабушка наклоняется к духовке – Бумер, разумеется, вьется вокруг, – я замолкаю и подозрительно шурю. – Так, а почему это у меня на завтрак что-то особенное? Что случилось?

– Понимаешь... – Бабушка оборачивается и тепло улыбается мне. В руках у нее тарелка с тостами из халы. – Ты вчера так беспокоился из-за тоста, который нужно произнести перед халой, что я подумала... – Глаза у нее насмешливо поблескивают за стеклами очков в красной оправе. Я слежу за направлением ее взгляда и вздыхаю. – Тост из халы! – радостно заканчивает она. – Смекаешь?

– О да.

– Еще рано шутить на эту тему.

– О да. Слишком рано. – Я откусываю огромный кусок от тоста: он слегка хрустит на зубах, масла ровно столько, сколько нужно, никакого изюма. – Идея тоста как еды мне нравится. Идея тоста, который нужно произносить, – нет.

– Все будет хорошо, бубалех. Я не сомневаюсь.

– Зато я сомневаюсь. Очень сомневаюсь. Очень-очень сомневаюсь.

– Джейми, тебе правда стоит перестать так себя вести, – снова поднимает на меня глаза мама. – Это же как самосбывающееся пророчество. Ты так веришь в свою способность все испортить, что, естественно, портишь все и мешаешь такими мыслями самому себе.

– Но это не мысли, это правда.

– Неправда...

– Ма-ам. У меня очень плохо получается говорить речи. Это объективный факт.

Бабушка треплет меня по плечу. Мама хмурится.

– Милый, это ты так решил из-за собеседования, да? Забудь о нем. Я знаю, что все прошло ужасно. Никто и не пытается делать вид, будто все было иначе. Но ты все равно сможешь работать в политике. Просто подступишься к этому опыту с другой стороны.

– Ты самое главное упускаешь.

Маме, наверное, кажется, что я расстроен. Или что мне не нравится все лето составлять списки и выполнять поручения двоюродного брата. Что я предпочел бы бегать вверх и вниз по мраморным ступеням здания капитолия штата. Но меня печалит не отсутствие мраморных ступеней. И не поручения. Если бы сенатор Мэтьюс взял меня на работу, я все равно занимался бы тем же самым.

Меня печалит, что я ни на что не гожусь. Что даже по протекции не могу куда-то устроиться. Что действующий член сената штата открыл специально для меня стажировку, а я подавился собственной соплей.

Это не шутка: со мной именно это и случилось. Не знаю, как объяснить так, чтобы это звучало не слишком уж отвратительно, но у меня в горле собрался целый комок соплей, я запаниковал, начал откашливаться и спровоцировал рвоту. После чего провел где-то час в том самом роскошном туалете. Надо ли говорить, что место на стажировке я в итоге не получил.

Все это не слишком хорошо сочетается с моей мечтой однажды принять участие в предвыборной гонке. Давайте начистоту. Некоторым людям суждено менять историю. А некоторым – испачканную рвотой одежду в туалете.

– Тебе просто нужно больше практики, – продолжает мама. – И ты научишься разговаривать с незнакомыми людьми. Это все равно что тренировать мышцы, понимаешь? Если тренируешься, видишь результат. Однажды это войдет у тебя в привычку. И станет не сложнее, чем болтать с Дрю или Фелипе.

– Ага, – бормочу я, почесывая Бумера за ухом.

– Ты можешь начать прямо сегодня на мероприятии Россума. Например, попробуй поставить себе целью побеседовать с пятью разными людьми. Никаких серьезных разговоров, просто обменяйтесь парой замечаний. Или лучше попытайся начать беседу с кем-то одним, но настоящему. Для тебя это уже будет большим шагом.

– А Сири считается за собеседницу?

– Нет, Сири не считается, – устало улыбается мама. – У тебя же есть чистая рубашка, да? На пуговицах.

– Нет, я собирался пойти в грязной. И без пуговиц.

– Очень смешно.

На самом деле это правда смешно: мама почему-то до сих пор думает, что я не знаю, как правильно одеваться на официальные мероприятия. Я между тем был на всех встречах, которые организует Россум, – их уже дюжины две состоялось, даже больше. И мама должна бы об этом знать: это ведь она заставляет меня ходить на каждую, даже когда сама занята.

Бабушка ерошит мне волосы.

– Все будет хорошо. Я тоже загляну ненадолго. Проведем время вместе. Затусим.

Ненавижу это слово. Затусим. Нет, со словом-то все в порядке, мне сама идея не нравится. Покажите мне того человека, который хотя бы раз сумел обсудить что-то важное с теми, с кем тусовался? Все равно что пропустить все хорошее, что может быть в разговоре, и сосредоточиться на самом неприятном: нужно подойти, обменяться любезностями, попытаться решить, когда уже пора расходиться. При этом я не против оказаться в компании людей. Мне просто хотелось бы иметь возможность пропустить все вступления и сразу перейти к той части, когда мы сидим в уютной тишине, или шутим только нам понятные шутки, или обсуждаем сериал «Офис», потому что он нам обоим нравится, так что давай найдем в нем то, чего создатели не закладывали.

– Может, тебе пригласить Дрю и Фелипе? – предлагает бабушка.

– Очень сомневаюсь, что они придут на мероприятие в рамках избирательной компании.

– За спрос денег не берут. И кстати... – Она поднимается со своего места, чтобы подойти к стойке. Бумер тут же снова вскакивает, готовый следовать за ней хоть на край света. Но бабушка только вытаскивает из сумочки телефон, возвращается и кладет его передо мной на стол. – Ты знаешь, как добавлять ссылки в сторис в Instagram?⁸

– Ни разу не пробовал, – признаюсь я, включая экран. – Но вряд ли это так уж сложно.

– Ты сможешь разобраться? Спасибо, милый. Клянусь, подтвержденный аккаунт открывает передо мной целый дивный новый мир.

Я открываю приложение, стараясь спрятать улыбку. Две недели назад бабушка получила заветную синюю галочку и теперь ненавязчиво хвастается ею при каждой возможности. Даже Софи это достижение заметно впечатлило – впервые на моей памяти.

Потому что никто из нас не ожидал, что бабушкина страница станет настолько популярна. Она завела аккаунт после смерти дедушки, собираясь выкладывать туда фотографии мест, которые ему нравились при жизни, и снимки Бумера. А потом компания Creative Loafing сделала о ней короткое видео. Его несколько раз упомянули блогеры на YouTube. Нельзя сказать, что после этого бабушка прославилась, но в нашем округе – как минимум в Брукхейвене и его окрестностях – ее теперь хорошо знают. Гейб, конечно же, старается выжать из бабушкиной популярности максимум. Она, по-моему, не против, потому что сама истово поддерживает демократов. Но все равно странно. Когда бабушка в свои семьдесят пять стала официальным представителем избирательной компании в социальных сетях, моя роль неофициального представителя технической поддержки была предрешена.

В черновиках у бабушки уже сохранена история: фотография Бумера в бандане с логотипом Джордана Россума и информацией о сегодняшней встрече.

– Ты хочешь прикрепить к ней ссылку на сайт или на сбор средств?

– Та-ак, – наклоняется ко мне бабушка. – На сайт события, но давай сразу и вторую сделаем, со сбором. – Она снова садится прямо и тыкает меня пальцем. – Мне нравится твой ход мысли.

Разобравшись со ссылками – на это уходит не слишком много времени, – я отдаю ей телефон.

– Я на сто процентов уверен, что вся затея с завтраком была только ради этой просьбы.

– Не на сто. На пятьдесят, может быть? Да, пожалуй. Или на семьдесят пять? Тоже возможно.

Я улыбаюсь и качаю головой.

– Понимаешь, когда тебе столько же лет, сколько мне, и ты пытаешься вести Instagram...⁹

– Мне гораздо меньше лет, и у меня его нет.

– У меня в твоём возрасте его тоже не было, – пожимает она плечами.

---

⁸ Организация, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.

⁹ Организация, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.

Естественно, я прихожу на стадион раньше Дрю и Фелипе. Приходится торчать у трибун и делать вид, будто так и запланировано. Странно снова оказаться в школе сейчас, в самый разгар лета. Некоторые команды тренируются тут весь год, но это не мой случай. Тут всё не мой случай. На футбольном поле разминаются девушки из группы поддержки, не меньше дюжины бегунов кружит с разной скоростью по дорожкам. Я незаметно разглядываю их, пытаюсь угадать, кто из них Бет. Знакомых лиц нет совсем. Что, вероятно, многое говорит о том, насколько часто я сам занимаюсь спортом.

Дрю и Фелипе появляются на стадионе где-то в 9:15, оба сонные, с опухшими глазами. Фелипе не вполне искренне дает мне пять, Дрю осматривает дорожки и выносит неутешительный вердикт.

– Ее здесь нет, – расстроено говорит он.

– Бет?

– Поверить не могу.

– Может, она еще не добежала до тренировки, – бормочет Фелипе, сдерживая зевок.

Я усмехаюсь, а потом объясняю в ответ на их любопытные взгляды:

– Еще не добежала... ну же! Она ведь бегунья!

– Голдберг и шутки за триста, – бросает Фелипе.

– Не-е. Это шутка за сто.

– Я бы на твоём месте не стал этим гордиться.

– Тренировка у них начинается в семь. Почему Бет до сих пор не на стадионе? – вслух размышляет Дрю, полностью игнорируя нас.

Я слежу за его взглядом, устремленным на бегунов. Некоторые из них остановились у дальних ворот выпить воды. Вполне объяснимо. Сейчас уже +25, даже больше, наверное. Я почти не шевелюсь – и то слегка вспотел.

– Думаю... мне пора обратно в кровать, – заявляет Фелипе.

– Вот уж нет. – Дрю решительно шурится. – Мы должны провести расследование. Пойдем.

Он пускается бегом, и нам с Фелипе остается только броситься следом. Впрочем, надолго нас не хватает: я выдыхаюсь еще до того, как трибуны оказываются позади, Фелипе выглядит и того хуже.

– Нет, – с трудом выдыхает он. – Это без меня.

– Точно... и без меня, – пыхчу я, остановившись. Фелипе останавливается рядом, тяжело дыша и уперев руки в колени.

Дрю делает круг и присоединяется к нам.

– Ничего себе. Парни, группа поддержки из вас отвратительная.

– Нет, это бегуны из нас отвратительные, – возражает Фелипе. – К поддержке этот навык не имеет никакого отношения. Сложно кого-то поддерживать в таких условиях.

– Настоящий друг придет тебе на помощь в любых условиях. – Дрю ерошит волосы, ставя их дыбом. – В снег, и в дождь, и в бурю...

– Ты путаешь друзей с курьерами.

Дрю бросает на нас еще один презрительный взгляд, а потом устремляется к воротам, чтобы поговорить с девочками на дорожке. Мы с Фелипе бредем на край футбольного поля и садимся на траву, скрестив ноги.

– Итак, – я упираюсь руками в землю, – делаем ставки: будет ли Дрю продолжать искать Бет или в итоге просто возьмет номер телефона у другой девчонки?

– Пятьдесят на пятьдесят, – фыркает Фелипе.

Я выпрямляю ноги и падаю на спину. Если закрыть глаза, кажется, что мы находимся на огромном пустом поле и вокруг на десятки километров нет ни одного человека. Шум посте-

пенно стихает. Никаких тостов на бат-мицвах, никаких провальных собеседований, никаких рассыпающихся апельсинов.

На землю меня возвращает взрыв хохота, долетающий со стороны девочек из группы поддержки. Я быстро сажусь, чувствуя, как краснеют щеки.

– Думаешь, они над тобой смеются? – спрашивает Фелипе.

– Нет. Не знаю.

– Чувак. Ты странный. – Он качает головой. – С чего им над тобой смеяться? Чего такого ты сделал, чтобы над этим можно было так хохотать?

Я молча разглядываю свои ноги.

– Нет, серьезно. Объясни мне. Почему эти девчонки над тобой смеются?

– Потому что... – Я пожимаю плечами. – Не знаю.

Потому что я даже круг не пробежал и уже лежу. Потому что я вспотел. Потому что у меня футболка задралась. Потому что я слишком странный, чтобы нормально жить.

– Потому что я такой, – отвечаю я в итоге, указывая на себя целиком.

– Клянусь, у тебя какая-то паранойя во всем, что касается девчонок.

– Я просто... обоснованно осторожен.

– Почему? Из-за того, что случилось на Зимнем балу? – Фелипе приподнимает брови. – Чувак, это четыре года назад было.

– Три с половиной. И не похоже, чтобы кто-то об этом забыл.

Если подумать, идея с самого начала была ужасная. Бал для восьмиклассников – это всегда устрашающее зрелище, но я вышел на новый уровень и позвал на танец Брианну Хенк. Разумеется, я с фотографической точностью помню до мелочей каждый момент того разговора: и бумажные снежинки, подвешенные над танцполом, и тщательно сдерживаемые улыбки друзей Брианны. Сама она посмотрела на меня и сказала: «Привет, Джейми», – причем в ее голосе не было ни грамма радости по поводу нашей встречи. В нем вообще не было никаких эмоций. Но я сделал глубокий вдох и заставил себя перейти к следующему шагу.

И пригласил ее на медленный танец. Только вот мой язык меня подвел.

Я пригласил ее на *медлянец*.

– Все прошло не так уж и плохо, – смеется Фелипе. – Это было легендарно.

– Точно. Легендарно, – закатываю я глаза.

Настолько легендарно, что медлянец вошел в наш обиход. Конечно же, слово в основном употребляли самые популярные парни. Они пополнили словарный запас гибридами вроде «медлятично» и «медлянизировать». Однажды я услышал это из уст чьей-то мамы. Да что уж там, ребята из нашей школы даже составили петицию, требуя назвать следующую встречу выпускников «Ночь медлянцев», и были весьма разочарованы, когда старшие классы настояли на своем варианте.

– Слушай, – настаивает Фелипе, – если это был самый неловкий момент в твоей жизни...

– О нет.

Самый неловкий момент в моей жизни был, когда я назвал бывшего президента Картера членовредителем.

Нужно срочно сменить тему.

– Кстати, не хочешь ли ты прийти сегодня вечером на невероятно скучный обед, который мы проводим в рамках избирательной кампании?

– Ого. Восхитительная рекомендация. Невероятно скучный...

– Я сказал «невероятно скучный»? Это ошибка, я хотел сказать «роскошный». Невероятно роскошный, интересный и... невероятно роскошно-интересный.

– Ни за что. У Нолана сегодня тоже выходной, поэтому мы собираемся смотреть вторую часть «Принца на Рождество».

– На дворе июнь.

– В Алдовии всегда Рождество.

Я его понимаю. Фелипе все лето работает: обзванивает всех желающих купить замороженный йогурт в «Минчи». Ему нужны деньги для колледжа. Точнее, саму учебу должна покрыть стипендия от Общества поддержки одаренных людей, он подходит под их требования, но он успел уже подумать о том, сколько уйдет на книги и оплату проживания, поэтому берет столько смен, сколько может. Нолан, его парень, тоже много работает. В результате они все лето почти не видятся. Я, например, ни за что не пошел бы на сегодняшний ужин, если бы мог вместо него провести время со своей девушкой. Гейбу повезло, что девушки в моем мире не встречаются.

Фелипе пожимает плечами.

– Может, Дрю с тобой пойдет?

– Не-а. Не стоит особенно на это рассчитывать, – говорю я, оглядываясь на ворота. Дрю по-прежнему стоит там, оживленно беседуя о чем-то с раскрасневшейся девчонкой. У нее светлые волосы, собранные в неаккуратный пучок. – К тому же это ужин в поддержку Россума.

– Ясно, – кивает Фелипе. – Я понял.

Дрю моя работа в избирательном штабе дается непросто. Сам он не консерватор. В отличие от родителей – у них даже стоит знак в поддержку Ньютона во дворе. С тех пор как я затащил Дрю в штаб-квартиру и всучил ему стопку открыток с надписью «Голосуйте за Россума», он ходит по тонкому льду. Его родители нашли открытки в боковом кармане на дверце машины и... не слишком хорошо это приняли.

– Даже не знаю, стоит ли его звать.

Дрю улыбается девчонке, отбивает пятню и бежит к нам.

Спустя пару секунд он уже плюхается на землю рядом с Фелипе.

– Значит, так. Я идиот.

– Да мы знаем. – Фелипе хлопывает его по руке с притворным сочувствием.

– Нет, я серьезно. Мы сейчас поболтали с подружкой Бет, Аннабель, и она мне все объяснила. Бет по четвергам работает в «Прыжке». Они открываются в десять, поэтому ей нужно приезжать туда к девяти. Так что на тренировки она приходит, просто уходит в восемь. Мы разминнулись.

– Я вообще ничего не понял. Ничегошеньки, – зевает Фелипе.

– По-моему, в «Прыжок» еще и пройти можно, только если у тебя дети есть. Так что, мои чуваки, мы сегодня в полете.

– «Прыжок»... – медленно повторяю я.

И тут все встает на свои места. «Прыжок». Вот почему та девушка из «Таргета» показалась мне знакомой. Мы не просто встречались раньше. Я с ней половину детства провел!

Майя Риман. Я не видел ее уже лет десять.

Но она почти не изменилась. Те же волнистые волосы, огромные глаза и – готов поспорить – ямочка на щеке, которая появляется, когда она говорит. Майя всегда была похожа на более загорелую и темноволосую версию Белль из «Красавицы и чудовища». Только внешне, по характеру она как Мулан. Очень крутая, всегда уверенная в себе. Всегда залезала на все, на всем успевала прокатиться и за всех заступиться. Клянусь, когда мы вместе бегали по «Прыжку» или по парку, даже я чувствовал себя храбрым. Да, из нас двоих она была диснеевской принцессой, а я – ее домашней зверушкой, но мне это даже нравилось. Принцем мне все равно быть никогда не хотелось.

Поверить не могу, что вчера видел Майю Риман. Настоящую взрослую Майю Риман. Мы одного возраста, даже месяца разницы нет, поэтому ей сейчас тоже семнадцать. Просто мой мозг не в состоянии осознать, сколько времени прошло. Я словно в будущее заглянул.

Нужно было заговорить с ней.

Вот только... ну да. Я был слишком занят тем, что крушил стенд с танжело, которые разлетелись по всему отделу.

Прямо у нее на глазах.

Потому что я – такой. Ох, все больнее и больнее.

Глава четвертая. Майя

Еще двадцать минут до захода солнца, когда я смогу наконец закончить пост и съесть хрустящую жареную самосу. Хотя, честно говоря, я съела бы вообще все, что лежит на столе, включая фруктовый салат с зелеными яблоками и размокшие сдобные пышки тети Самры. Еды к ужину приготовили столько, что пышки пришлось поставить на столик для покера, рядом с бутылками воды: туда ставят все лишние тарелки. Я проскальзываю мимо двух играющих в салки малышей, обхожу мужчину, который ставит дополнительные складные стулья, и ненавязчиво занимаю стратегическую позицию у тарелок и вилок. Кто-то же должен быть первым в очереди, верно?

Осмотрев спортзал при мечети, я снова поражаюсь тому, сколько народу собралось здесь сегодня. Во время Рамадана здесь всегда тесно, но сегодняшней ифтар мы проводим вместе с Межконфессиональным союзом Атланты, поэтому гостей так много, что кажется, мы тут все ждем появления Тейлор Свифт, которая даст импровизированный концерт. Возле чаши с пуншем сгрудились пастор Джонс, рабби Левинсон и имам Джексон. До меня то и дело долетают обрывки их разговора: «Слабая защита», «Они пользуются нашими ошибками», – и я понимаю, что они обсуждают летнюю баскетбольную лигу. Классика. Мама стоит у входа в окружении друзей. Они болтают и стараются не выдавать волнения, но то и дело вытягивают шею и выглядывают наружу, проверяя, не прибыл ли особый гость вечера. Мама сегодня так рассеянна, что даже не напомнила мне надеть шальвар-камиз, который бабушка прислала мне почтой из Калифорнии. Я обошлась джинсами, полосатой кофтой с длинным рукавом и любимым розовым шарфом, который намотала вокруг шеи как снуд. В другой ситуации я бы отметила эту свою маленькую победу, но я знаю, почему она не заметила мою одежду, и радоваться тут нечему.

Я ждала возможности прийти сюда сегодня. Имам Джексон, конечно, будет занят, но я надеялась поймать его и поговорить о том, что происходит в моей семье, хотя бы недолго. Или – если не получится – просто перевести дух: он словно излучает какое-то умиротворение. Но в спортзале, который забит людьми настолько, что все это напоминает собрание школьников, сложно почувствовать покой или вдохновение. Представители мечети пригласили на ужин обоих кандидатов, но Ньютон даже не ответил на письмо. Может, и к лучшему: тут все стены украшены постерами избирательной кампании с надписями «9 ИЮЛЯ! ЗА РОССУМА ГОРОЙ – ОН КРУТОЙ!».

Отлично позволяет погрузиться в нужное для Рамадана настроение.

Не поймите меня неправильно: против Россума я ничего не имею. Но он всего лишь очередной белый парень, который баллотируется в сенат Джорджии. Чему тут так уж радоваться?

Я снова смотрю на часы над входом. Все еще двадцать минут? Они сломаны, наверное. В кармане жужжит телефон.

Сара: Во вторник я сижу с Лиззи, а мама Чарли попросила быть у них как раз в это время. Он просто обожает Элмо, вам будет о чем поговорить.

Майя: Хм, по-моему, из нас двоих это ты любишь Элмо!

Сара: А-ха-ха! Ладно, будем считать, мы любим его одинаково. Что думаешь, сможешь меня подменить?

Майя: Я проверю! У мамы сейчас сложный график, но скрестим пальцы!

Сара: Отлично, дай мне знать. Как ифтар?

Майя: Такое. Есть хочу

Сара: Съешь там за меня самосу?

Она что-то печатает и...

Сара: Я скучаю по тебе.

К глазам подступают слезы. Я сглатываю.

Майя: Я тоже по тебе скучаю.

Мы с Сарой не разлучались с тех пор, как встретились в детском саду Монтессори и обнаружили, что обе обожаем красного маппета. В выпускном классе она была занята из-за множества дополнительных курсов, которыми умудрялась жонглировать, но теперь я понимаю: это были еще цветочки. Я поднимаю голову и снова обвожу взглядом комнату. Скоро Сара уедет, и мне придется привыкать проводить время вот так – в одиночестве.

Телефон снова жужжит, сигнализируя на этот раз о звонке. На экране появляется папино перекошенное от ужаса лицо – этот снимок я сделала много лет назад, когда заставила его попробовать кофейный коктейль «Единорог» из Starbucks.

– Эй, привет, – говорит он, когда я снимаю трубку. – Как там дела?

– Да как обычно. Все стоят и ждут, когда уже можно будет поесть.

– А будущий сенатор приехал?

– Не-а. Опаздывает. Но все стоят у дверей, чтобы окружить его сразу же, стоит ему войти.

Самое время, да?

– Кто-то голоден и зол.

– В Рамадан все такие! – Хотя это неправда: я смотрела по сторонам, и ни у кого нет такой же кислой физиономии. Кроме меня.

– Ты же помнишь, что поститься каждый день необязательно, – говорит папа. – Хорошо, что ты делаешь это с девятого класса, но я, например, не держал пост ежедневно, пока не закончил старшую школу.

– Я хочу поститься, просто голодание делает некоторых людей раздражительными. Это даже медицина подтверждает.

– *Некоторые* точно становятся раздражительными.

– Очень смешно. Ты уже едешь? Маме кажется, что собрание сегодня вечером продлится дольше обычного.

– Я потому и звоню. – Я слышу перемену в его голосе: папа больше не улыбается. – Грузчики опаздывают. Не думаю, что успею. Прости, пуговка.

Из комнаты будто пропал весь воздух. Слова, шум, разговоры – скорее всего, они на месте и так же бьют по барабанным перепонкам, но я слышу только его голос. Грузчики.

Вот и все. Прямо сейчас. Я, конечно, знала, что это случится. Но все это напоминает визит к врачу. Тебя предупреждают, когда собираются брать кровь, и ты можешь осознать это на каком-то абстрактном уровне, но вот игла вонзается в кожу, и тебе все равно неожиданно больно.

– Сара сможет тебя подбросить?

– Конечно. – Я даже не пытаюсь объяснять ему, что Сары тут нет. Обещаю припасти для него немного брияни (это такое блюдо из риса и овощей), если останется. И мы прощаемся.

Прямо сейчас, пока я стою здесь, мой папа стирает следы своего присутствия в нашем доме.

Я смаргиваю слезы. За все это время я ни разу не заплакала. И уж точно не собираюсь начинать теперь. Не здесь.

Подняв голову, чтобы снова посмотреть на часы, я замираю. На другом конце стола с угощениями к ифтару стоит парень, одетый в клетчатую рубашку и штаны цвета хаки. Наши взгляды пересекаются. Его лицо кажется мне знакомым. Улыбнувшись, он делает шаг назад.

И натывается прямо на столик для покера.

Столик содрогается, а потом выпечка и бутылки начинают рассыпаться с подноса. Это все равно что наблюдать за краш-тестом в замедленной съемке. Я быстро оглядываюсь. Но все

поглощены наблюдением за дверным проемом, и катастрофы никто не заметил. Самое время подойти поближе и оценить ущерб.

– Я... Мне так жаль, – бормочет парень.

– Забудь, ты не первый, с кем это случилось, – отвечаю я. – Столик для покера славится своей неустойчивостью.

– Но... им конец. – Он указывает на рассыпанные по полу сплюснутые пышки.

– Честно говоря, они и не начинались. Правда, не переживай.

Я возвращаю столик на место, пока мой собеседник выбрасывает пышки и собирает бутылки.

– Ты же Майя, верно?

– Что?

– Ты меня не помнишь. – Он краснеет. – Естественно. То есть это же логично. Прошло лет десять, наверное, может, больше... В общем, я Джейми. Мы в «Прыжок» ходили вместе.

– Ого. Точно. Ого, – выдавливаю я, разглядывая его. Давным-давно наши мамы дружили. Обычно они отводили нас на крытую игровую площадку, где мы бегали и прыгали, давая им возможность выпить кофе и поболтать о жизни. Это было миллиард лет назад, но теперь я постепенно вспоминаю Джейми. Его волосы стали немного темнее, он теперь сантиметров на пятнадцать меня выше, но глаза те же, с прозеленью. И та же смущенная улыбка. – Прости. Это было давно.

– Так странно встретить тебя тут.

– Почему странно? – Я едва заметно улыбаюсь. – Я мусульманка. Это мечеть. И она рядом с моим домом.

– Нет. Прости. Я не имел в виду, что странно встретить тебя тут. Я имел в виду, что странно встретить тебя. Но по-хорошему странно. Не в каком-то плохом смысле. Просто я был на стольких предвыборных встречах уже. Эта вот 130-я по счету в этом сезоне, ты знала? Ни один кандидат от штата не проводил так много.

– Это не предвыборная встреча, – поправляю я. – Это ифтар. Сейчас Рамадан.

– Да, да, конечно, – кивает он. – Я успел сходить на тридцать встреч, наверное, но сегодня... шний ужин лучше всех. Украшения обычные, но выглядят очень празднично.

Значит, красно-бело-синие клеенчатые скатерти на столах, агитационные плакаты с призывом голосовать за Россума и украшения с конфетти – это празднично?

– Эм... Спасибо. Ладно, мне надо помочь маме с... кое-чем. Рада была повидаться снова.

Я убегаю до того, как он находит что ответить. Я ненавижу необходимый обмен любезностями в целом, но сегодня такие разговоры даже любезными не кажутся.

– С кем это ты болтала? – спрашивает мама, когда я подхожу ближе.

– Ни с кем. Можно я возьму машину во вторник? Сара нашла мне подработку няней.

– Прости, – она качает головой. – Следующая неделя у меня очень плотно занята. Сплошь снятие показаний и ходатайства.

– Ладно, возьму такси.

– Мы предлагали тебе его только для того, чтобы ездить к папе и обратно. Так мы можем разделить его стоимость.

– Тогда, возможно, пора уже купить мне машину. – Я скрещиваю руки на груди.

– Майя...

– Иначе я застряну дома на все лето. Все наши планы пошли коту под хвост. И нет, я не пойду ни в танцевальный лагерь, ни в тот, где собирают роботов, можешь даже не напоминать. Я все равно не смогу до них доехать. – Я смотрю на нее в упор. – Кстати, папа звонил, сказал, что сегодня не приедет. Но у тебя после ужина совещание. И как я в таком случае попаду домой? Чувствую себя как на привязи.

– Кто-нибудь подбросит тебя после ифтара, иншаллах. На все воля Аллаха.

– Будь у меня машина, этого бы не было. Мне уже семнадцать.

– Машина – это дорого. Тебе понадобятся страховка, бензин, обслуживание. Нам и так непросто платить аренду за два дома, счетов за их содержание тоже два. Учитывая, как много на нас свалилось, было бы здорово, если бы ты хотя бы на время перестала со мной спорить. Хотя бы на время этого ифтара.

– Это не ифтар. Это встреча с избирателями.

– Это ифтар. – Мама строго на меня смотрит. – И я круглые сутки работала, чтобы его подготовить. Самое малое, чем ты можешь помочь, – это перестать показывать характер в присутствии всех собравшихся. И честное слово, Майя, если...

Но она не успевает закончить мысль: именно в эту секунду все, кто поддерживает Россума, бросаются наружу через двери зала, расположенные напротив нас. Выглядит все это так, будто по полу рассыпались красные, белые и синие конфетти.

– Вот он! – выдыхает мама. Буквально за мгновение рассерженное выражение на ее лице сменяется веселым. Хвала Джордану Россуму.

Я сразу узнаю его по серому костюму и желтому галстуку, потому что листовка с его портретом – те же кудри, та же улыбка – висит у нас на холодильнике. Мама его обожает, поэтому у нас во дворе стоит даже не один, а целых два знака в его поддержку. Но она не успевает сделать даже шага в нужном направлении: Россума уже окружила толпа.

Я смотрю на часы. Еще семь минут.

– Алина? – спрашивает кто-то.

– Лорен? – Мама широко распахивает глаза. Я слежу за ее взглядом и вижу женщину с темно-русскими волосами, облаченную в деловой костюм. Она пересекает комнату и стискивает маму в медвежьих объятиях. Мама Джейми. Она-то совсем не изменилась, и я сразу ее узнаю.

– Ты как здесь оказалась? – спрашивает Лорен.

– Я вхожу в инициативную группу от мечети. Мы помогли все тут устроить. А ты тоже вступила в Межконфессиональный союз?

– Нет, просто мой племянник – помощник руководителя избирательного штаба. Я все пыталась попасть хотя бы на какую-нибудь встречу, чтобы поддержать его. – Лорен поворачивается ко мне и окидывает удивленным взглядом. – Не может быть! Это Майя?

– Она самая. – Мама похлопывает меня по плечу.

– Объясни мне, как это работает? Почему они так быстро вырастают? Посмотри на Джейми. Он уже выше меня ростом! – Она оглядывается по сторонам. – Джейми! Подойди и поздоровайся.

– Так вот, значит, с кем Майя разговаривала.

Я снова смотрю на Джейми. Но тот, кажется, ничего не заметил: его внимание поглощено сообщением на телефоне.

– Джейми! – окликает его мама погромче. Он вздрагивает, поднимает голову и моргает, а потом подходит к нам.

– Джейми! – Моя мама наклоняется и обнимает его. – Как здорово, что вы с Майей уже успели поговорить. В каком ты сейчас классе?

– Осенью иду в выпускной.

– Конечно. Как и Майя.

– Между ними разница всего в три с половиной недели, помнишь? – улыбается Лорен.

– Точно! – смеется мама, поворачиваясь ко мне. – У Лорен начались схватки в кафе, как раз когда мы заказ делали!

– Мы ведь обещали друг другу, что продолжим встречаться за кофе.

– Мы и встречались. Какое-то время.

– Но школа...

– Работа...

– Годы летят очень быстро. Время постоянно оставляет нас в дураках.

Мне никогда не понять, почему то, сколько лет прошло, каждый раз так удивляет взрослых. Жизнь ведь это буквально годы, которые прошли. По-моему, это своего рода ритуал: стоит моей маме начать болтать с подругой или кем-то из тех членов семьи, с кем она давно не виделась, и все – половину разговора они будут обсуждать, как летит время, а вторую половину – обещать друг другу встретиться снова как можно скорее (а потом почти никогда не держат слово).

– Для меня эти выборы – дело семейное, – шутит Лорен. – Но я так занята планированием бат-мицвы Софи, что помогаю мальчикам гораздо меньше, чем хотелось бы. Джейми – молодец: он и рассылками сообщений занимается, и аналитику по нашим социальным сетям собирает. Настоящий спаситель. ПереPOSTов информации о кампании у нас много, но волонтеров кот наплакал.

– Все внимание и все волонтеры достаются общенациональным выборам, – кивает мама.

Они продолжают болтать, а я смотрю на Джейми. Понятно теперь, почему он кажется мне таким знакомым, но, клянусь, я точно уже видела его взрослым. Но когда стоит мне решиться и спросить его, в какой школе он учится, как по залу разносится громкий голос.

– Как у вас сегодня дела? – спрашивает, подходя к нам, долговязый парень. В руках у него папка, на лице – улыбка, такая широкая, что я, кажется, его зубы мудрости вижу. Он кивает Лорен и Джейми, а потом сосредотачивается на нас с мамой. – Я Гейб. – Он протягивает руку.

– Алина. Приятно познакомиться. – Мама отвечает ему рукопожатием. Перед ней просто один из парней, работающих в избирательном штабе, даже не сам кандидат, но мама приходит в совершеннейший восторг и превращается в человеческий эквивалент эмоджи с глазами-сердечками.

– Можем ли мы рассчитывать на ваши голоса в следующем месяце? – Гейб выуживает из своей папки две брошюры и передает нам. – Отклики нам приходят исключительно поддерживающие, но в конечном счете все зависит от тех, кто пришел голосовать.

– Мне пока рано голосовать, – объясняю я.

– А сколько тебе лет?

– Семнадцать.

– Что ж, в семнадцать уже можно стучать в двери.

– Что?!

– Стучать в двери! – Он взмахивает в мою сторону папкой. – Все складывается просто идеально! Нам очень нужны те, кто сможет обходить дома избирателей с агитацией, рассказывая, как хорош Россум. Согласно исследованиям, это самый верный способ привлечь людей на избирательные участки.

– Я бы с удовольствием, но у меня машины нет. – Впервые осознание этого заставляет меня чувствовать себя победительницей.

– У Джейми есть! – вмешивается Лорен.

И что с того?

Джейми в ужасе поднимает глаза от телефона.

– И правда – идеально! – Лорен хлопает в ладоши и оборачивается к моей маме. – Я все никак не могла отправить Джейми заниматься агитацией: он слишком стесняется. Но они ведь могут пойти вместе! Прекрасно!

Я уже готова перебить ее и возразить что-нибудь – да что угодно, лишь бы остановить это! – но моя мама одобряет идею.

– Отличная мысль! Майя летом практически все время свободна, а так они с Джейми смогут пообщаться. Я завтра привезу ее к штаб-квартире.

– Звучит страшновато, я знаю, – говорит мне Гейб, пока мама заполняет за меня анкету, забрав у него папку. – Но, поверь, вы обойдете пару домов и поймете, что это не сложнее, чем агитационные письма по конвертам раскладывать. С этим, кстати, ты тоже можешь нам помочь! – Он улыбается и вручает мне визитку с адресом. – Штаб-квартира находится недалеко отсюда. Увидимся в пятницу ровно в три? Я проведу для вас инструктаж.

Он уходит искать новую наивную жертву до того, как мы успеваем ответить.

Мама еще несколько минут продолжает болтать с Лорен. Я сверлю ее взглядом, но она делает вид, что меня тут вообще нет.

Стоит Лорен и Джейми уйти, я поворачиваюсь к маме.

– Зачем ты записала меня в волонтеры?!

– А что не так? У тебя ведь есть свободное время? К тому же часы волонтерства все равно нужны для школы.

– Сара хотела освободить этот вечер, чтобы мы могли провести его вместе. Ты же знаешь, насколько она была занята.

– А ты знаешь, что ее планы постоянно меняются, милая, и ты в итоге торчишь в одиночестве на диване.

– Неправда! К тому же я не хочу обходить дома с агитацией. Да еще и в обществе какого-то непонятого парня.

– Непонятого? Он стал твоим лучшим другом еще до того, как ты научилась говорить.

– Друзья, которых ты завел, пока бегал в подгузниках, не считаются! И как, по-твоему, я должна стучаться в дверь к незнакомцам? Будто мне всего остального мало!

– Послушай. – Мама закрывает глаза и делает глубокий вдох. – Я знаю, как тебе сейчас сложно. И знаю, что перемены даются тяжело. Могу поспорить, эти конкретные перемены – еще тяжелее. Но если ты займешь себя интересным делом, это позволит мозгу отвлечься. К тому же это всего на один день. Не понравится – сможешь больше не ходить.

– Я и в пятницу не пойду.

– Это не просьба, – резко отвечает она. – Сейчас решаю я, девочка моя. Ты пойдешь.

Я бы поспорила, но тут на подиум перед залом поднимается имам Джексон. Он откашливается прямо в микрофон. Все тут же умолкают.

– Здравствуйтесь все, ас-салямун алейкум. Спасибо, что пришли на наш седьмой межконфессиональный ифтар, – говорит он. – Для нас особая честь приветствовать здесь сегодня Джордана Россума. Позже он тоже обратится к вам. Через несколько секунд прозвучит призыв к вечерней молитве, который ознаменует окончание очередного дня поста. Прошу, присоединяйтесь к ужину и беседе, давайте вспомним, что у нас гораздо больше сходств, чем различий.

Пока он говорит, я осматриваю комнату. Появление Россума вызвало среди людей всплеск кипучей энергии, но сейчас все стоят тихо и спокойно и внимательно слушают. Когда имам Джексон заканчивает речь, из громкоговорителей звучит азан, призыв к молитве. Рабби Левинсон и пастор Джонс раздают тарелки с финиками, чтобы все могли завершить пост. Возле стола с блюдами для ужина начинает собираться очередь.

– Эй, Майя. – Обернувшись на голос, я вижу Джейми. Руки он прячет в карманах. – После ужина я уеду. Если хочешь, я буду рад тебя подвезти. Ну, если это нужно. Могу подбросить. Не проблема.

– Э-э, нет. У меня все под контролем.

– Ага, ясно. Конечно. – Джейми быстро кивает. – Тогда до завтра.

Я провожаю его взглядом и думаю о пустом доме. О Саре, до которой скоро придется добираться по два часа. И еще о том, как в пятницу придется стучать в двери к незнакомцам.

Странно, но есть мне уже не хочется.

Глава пятая. Джейми

Майя еще даже не пришла, а я все пытаюсь увидеть нашу штаб-квартиру ее глазами. Я-то в этой пристройке все лето провел. Но никогда раньше не замечал ни экспозицию пустых стаканчиков из-под кофе и недоеденных мини-пицц на столе Гейба, ни странный запах – это яйца? – из мусорной корзины. Вряд ли хоть кто-то смог бы назвать этот офис роскошным, но мне он всегда казался не слишком ужасным. И только теперь я осознаю, насколько он похож на бородку Гейба: такой же неопрятный и невыразительный, без боли не взглянешь.

Что-то мне подсказывает, Майя будет не в восторге.

Так странно было встретить ее на ужине, который устраивали в рамках избирательной компании Россума. И в «Таргете». Как это вообще работает? Как можно девять лет не видеть человека, а потом наткнуться на него дважды за два дня? Так бывает, когда выучишь какое-то новое слово, а оно потом везде на глаза попадается.

Эта встреча выбила меня из колеи, но не в плохом смысле. Напротив. Я не верю в знаки, но это правда странно. Вот я грызу себя за то, что не заговорил с ней в «Таргете», а вот она – прямо передо мной. Второй шанс, который нельзя упускать. На секунду я даже поверил, что потусить вместе – это не такая уж и плохая идея.

Разумеется, это было до того, как я совершил ошибку и все-таки заговорил с ней. Ух! Не думал, что еще раз переживу ощущения, близкие к тем, которые я испытал на Зимнем балу, но наша беседа прошла, кажется, даже хуже. Кто бы мог подумать, что в два пятиминутных разговора можно впихнуть столько болезненно-неловких моментов. Начнем с того, как я опрокинул целый стол с едой и бутылками воды. А я, конечно же, именно это и сделал. И все еще ужасно чувствую себя, потому что предложил ее подбросить. Мы ведь, считай, совершенно посторонние люди. Но она ведь сказала маме, что чувствует себя как на привязи. Нельзя же было просто взять и уйти.

Однако оказалось, поездке со мной она предпочитает сидение на привязи.

Знаю, нет смысла беспокоиться о том, что она подумает обо мне, о нашей штаб-квартире или обо всем остальном. Она, может быть, и не придет вовсе.

Я впервые оказался здесь одновременно с группой настоящих волонтеров. У меня отлично получается приходить в штаб в те часы, когда здесь дежурят только Гейб и Ханна – и иногда Элисон, их старший стажер. Да и агитаторы обычно начинают свою работу в главном офисе в Данвуди. Однако сегодня здесь собралось человек двенадцать: в основном друзья Ханны по колледжу, к которым присоединились доброжелательная темнокожая дама с глубокими ямочками на щеках и две белые женщины средних лет. На шеях у них шарфы, в ушах и на пальцах – массивные украшения. Конечно, дюжина волонтеров – это не слишком много, если мыслить глобально, но места в пристройке настолько мало, что мы занимаем все пространство до самых картонных коробок и уличных плакатов у стены. У всех в руках конверты из тонкой бумаги. Элисон раздала их всем прямо на входе, но больше пока ничего не произошло, хотя мы уже на несколько минут отстаем от графика.

Я снова бросаю косой взгляд на дверь. Майи не видно.

Хотя странно было бы считать, будто она опаздывает, поскольку Гейб тоже пока не появился. И уж простите, но, если он так и не придет, я умываю руки.

Стоит мне подумать об этом, как из боковой двери появляется Гейб. На нем ослепительно белая футболка с логотипом избирательной кампании Россума на груди. Взгромоздившись на пластиковую табуретку, он прикладывает руки ко рту, как раструб громкоговорителя.

– Все и каждый, приветствую вас на инструктаже для волонтеров! – говорит он. – Пошумите, если готовы к в *Россумительному* дню. Сороковой округ сегодня ждет отличная агитация, и я невероятно этому рад.

Он вскидывает в воздух сжатый кулак.

Знаете, бывает, что самый старый и кринжовый из ваших учителей вдруг решает завоевать расположение класса, используя сленговые словечки, которые он науглил на перемене? Так вот то, что Гейбу всего двадцать три, делает ситуацию только хуже.

Еще несколько минут мы продолжаем слушать пространные и туманные рассуждения об избирательной кампании, и тут через заднюю дверь проскальзывает Майя. Я неуверенно машу ей.

– Я взял для тебя папку, – шепчу я, когда она подходит ближе.

– Спасибо. И кстати, на парковке сейчас надрываются как минимум две сигнализации.

– Это главная суперспособность Гейба. – Я пытаюсь буднично улыбнуться.

То, что изображает в ответ Майя, должно бы напоминать улыбку, но на 90 % выглядит как гримаса.

– И поверьте, я знаю, что все это выходит за пределы вашей зоны комфорта, – продолжает Гейб. – Так что давайте уделим минутку психологической подготовке. Повторяйте за мной. Мы потрясающие!

– Мы потрясающие, – бормочу я в унисон с остальными волонтерами. Майя смотрит скептически.

– Россум потрясающий! – не унывает Гейб.

– Россум потрясающий!

– И на эту кампанию мы соберем отличную команду! – Он хлопает в ладоши. – Чудесно. Вы можете объединиться в группы, а я передам слово Ханне, которая расскажет, как пользоваться приложением «Обход».

– Вперед, Ханна! – кричит дама с ямочками.

– Спасибо, мам, – подмигивает ей Ханна.

Спустившись со стула, Гейб немедленно устремляется к нам с Майей.

– Как делишки, Джей? Рад, что ты смог присоединиться. – Он поворачивается к Майе. – Я все лето пытался уговорить этого парня присоединиться к агитации. Нужно было раньше догадаться, что он согласится, если я приведу в команду пару симпатичных девчонок. Да, старик?

– Прекрати. – У меня краснеют щеки. Майя выглядит недовольной.

Гейб треплет меня по плечу.

– А вот и наша королева соцсетей! – восклицает он, кивнув в угол комнаты. Я оборачиваюсь тоже и вижу на пороге бабушку. На ней блузка с узором, кофта и узнаваемые очки в красной оправе. Она улыбается мне, потом указывает на Гейба и манит его пальцем.

– Долг зовет!

– Ого, – шепчет Майя, стоит Гейбу нас оставить. – Где Россум нашел этого парня?

– Ну... Россум учил иврит вместе с сестрой Гейба, Рейчел, поэтому...

– По знакомству. Ясно. А почему у вас штаб-квартира в книжном магазине?

– Главный офис находится в Данвуди, а это просто дополнительная точка. Еще одна база. Сотрудники «Фоукс и Хорнтейл» обычно проводят здесь книжные клубы и прочие подобные штуки, но они согласились сдать штаб-квартиру все помещение за доллар в месяц.

– За доллар?

– Они очень хотят, чтобы Россум победил.

– Понятно. – Выражение лица Майи немного смягчается. – Что ж, я вижу, у Гейба ты любимчик. – Она понижает голос, подражая ему: – «Я все лето пытался уговорить этого парня присоединиться к агитации...»

– Ага. Но не совсем. Я не его любимчик. Я скорее... его двоюродный брат.

– А-а. – Майя удивленно раскрывает глаза. – Упс.

Я пожимаю плечами и снова смотрю на Гейба. Именно в этот момент бабушка принимается стирать с его лица какое-то пятно.

– Прости, – робко говорит Майя.

– Тебе не за что извиняться.

– Мне жаль, что я опоздала.

– Ты не много пропустила.

– Мы должны просто в двери стучать, да? Давать людям листовки? Говорить: «За Россума горой – он крутой»?

– Вообще, у нас есть сценарий, но Гейб разрешает говорить своими словами. Он считает, так лучше. А еще мы должны узнавать, пойдут ли люди на выборы, и отмечать это в приложении. Там есть варианты. «Точно да», «Точно нет», «Возможно»...

– Похоже на тесты, которые дают в третьем классе.

– Пойдете ли вы голосовать за Джордана Россума 9 июля? – улыбаюсь я. – Обведите «Да», «Нет», «Возможно».

– И все? Им больше не нужно никаких данных?

– Есть еще другие задачи, но там все довольно просто. Мы можем не слушать объяснения Ханна, если хочешь. Я уже скачал приложение и так.

– Ладно.

– Если хочешь разделить, скачай его тоже. Разделяй и властвуй, как говорится.

– Давай лучше вместе пойдем, – качает головой Майя.

– Серьезно? – Я смотрю на нее с удивлением.

Она уже собирается мне ответить, но тут в разговор снова врывается очередной член моей семьи.

– Джейми! Я так рада тебя здесь видеть. – Бабушка обнимает меня одной рукой за плечи. – Я только что поговорила с Гейбом: ему нужно несколько фотографий и короткое видео. Привет, милая. Мне кажется, мы не встречались. Я Руфь.

– Меня зовут Майя. – Она протягивает руку, но бабушка обнимает ее.

По-моему, в последний раз мы с Майей виделись еще до того, как бабушка к нам переехала. Теперь та детская дружба и вовсе кажется событием далекого прошлого.

– Приятно познакомиться, дорогая, – говорит бабушка. – Ты не будешь возражать, если я вас двоих сфотографирую? Джейми, возьми один из знаков. Идеально. Майя, ухватись за его вторую сторону, пожалуйста, – командует бабушка, глядя на экран телефона. Мы стараемся изображать улыбки. – Чудесно. И еще разок, но покрупнее. И... готово! Идеально. Могу я выложить этот снимок в наш Instagram?¹⁰

Она поворачивает телефон, чтобы мы могли посмотреть на фотографию. Я киваю.

– Конечно, – пожимает плечами Майя.

– Просто прекрасно. – Бабушка поправляет очки, посылает нам воздушный поцелуй и ковыляет к двум девчонкам из колледжа, чтобы помочь им поднять перевернутую коробку с агитационными наклейками.

Майя провожает взглядом ее удаляющуюся фигуру, потом моргает.

– Это не кампания, а бардак.

Подождите-ка. Над Гейбом можно и посмеяться, но обижать мою бабушку нельзя. И при чем тут кампания? С каких пор Майя стала экспертом, она ведь в своей жизни даже ни одного конверта с рассылками не собрала. Она вообще впервые за все это время появилась в штаб-квартире. И опоздала к тому же.

Она чувствует мой взгляд и подозрительно шурится.

– Что-то не так?

---

¹⁰ Организация, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.

Следовало бы ей сразу и сказать. Объяснить, кем была женщина, которая нас сфотографировала, и почему это круто. Придумать идеальный язвительный комментарий и выстрелить им в Майю, чтобы весь день она чувствовала себя потрясенной и потерянной.

Но к тому моменту, как мы добираемся до машины, все аргументы испаряются. Мало того что я не слишком-то язвительный человек. Я еще и человек, не вступающий в конфликты. Думаю, меня можно описать как парня, который всегда приносит с собой немного еды и предлагает ее в качестве залога перемирия.

Так что я шарю за сиденьем и передаю Майе пачку крекеров, которые собирался открыть позже.

– Угощайся.

Она смотрит на пакет, потом на меня, и в ее глазах читается недоверие.

– Это что?

– Крекеры. – Не то чтобы по упаковке нельзя было этого понять. На ней прямо так и написано: «Крекеры в форме рыбок. Выпечено в печи». Вместо буквы «о» в слове «рыбок» нарисована рыбка. Хотя откуда мне знать, вдруг Майя покупает продукты только на фермерских рынках и действительно никогда не видела пакет с печеньем. – Ими можно перекусить...

– Я знаю, что такое крекеры, – едва заметно улыбается она.

– Они с чеддером. – Я высыпаю горсть себе на ладонь.

– Джейми...

– Тебе... крекеры не нравятся?

Лицо у Майи такое, будто она вот-вот рассмеется.

– Ты серьезно? С крекерами все в порядке. Но мы же только вчера с тобой виделись на ифтаре.

Я медленно киваю, пытаюсь понять, к чему она ведет.

– Джейми, я соблюдаю пост. Сейчас Рамадан.

– Рамадан! Точно. – Я краснею. – Черт, прости. Тогда... – И я прячу пакет с глаз долой. – Когда приедем, поищу мусорку. Прости. Все время забываю, что Рамадан длится целый месяц. У нас тоже бывают посты, но однодневные. Это не то же самое, конечно. Ох. Ладно. Мне лучше заткнуться. Прости...

– Все в порядке. – Она коротко касается моей руки. – Все хорошо. Поехали.

Дорога до участка, который мы должны обойти, занимает десять минут, но Майя за это время не произносит ни слова. Сложно сказать, слушает ли она радио в салоне или, как и я, чувствует, что язык прилип к небу. Когда я глушу мотор и паркуюсь у тротуара, она вздыхает и прижимает ладони к щекам.

– Все в порядке? – удивленно спрашиваю я. Никогда еще мне не доводилось видеть ее такой напряженной. – Ты нервничаешь?

– Нет.

– А...

– Точнее, да. Отчасти. Не знаю. Я просто не хочу этим заниматься. – Она опускает руки и смотрит на меня. – Мы же даже не знаем, будут ли они нас слушать. Не разозлятся ли на то, что мы отнимаем у них время. Вдруг они ненавидят Россума? Вдруг они сами по себе придурки? Или...

– Понимаю. – Я на секунду ловлю ее взгляд, но тут же отвожу глаза. – Если тебе станет от этого легче, нас отправляют только по тем адресам, где живут сторонники демократов и те, кто не принадлежит к какой-то партии в принципе. Это не мешает им быть придурками, но в целом...

– Ясно. – Майя поджимает губы. – Ясно.

Еще примерно минуту она просто мрачно смотрит в окно.

А потом неожиданно расстегивает ремень.

– Так мы?..

– Идем, давай просто начнем и закончим, хорошо? Какой адрес первый?

Она открывает дверь и выпрыгивает на тротуар.

Я выбираюсь из машины следом, на ходу отчаянно прокручивая окошки приложения.

– Так, сейчас. 236. Вон тот, кирпичный, рядом с... да, вот он.

Она уже на полпути к двери.

И вот мы стоим на пороге, мой палец завис над кнопкой звонка.

– Готова?

Майя скрещивает на груди руки и кивает. Я звоню в звонок, и изнутри немедленно доносятся яростный лай, звук шагов и приглушенные голоса. Но к двери никто не подходит.

Мы с Майей обмениваемся взглядами.

– Там определенно кто-то есть, – говорит она.

– Думаешь, они нас игнорируют?

– Похоже на то.

– Может, они в душе или вроде того? В разных душах, – быстро добавляю я. – Не вместе в одном душе. Если, конечно, им не нравится именно принимать душ вместе, потому что кто я такой...

– Пойдем. – Майя выхватывает из папки листовку и засовывает ее за ручку двери. – Попробуем достучаться до следующего дома.

Но у нас не получается.

Нам не открывают ни там, ни по соседству. Похоже, люди вообще не склонны открывать двери. И это вечером, после шести. Клянусь, половина из тех, к кому мы заходили, уже дома. Почти на каждой дорожке припаркована машина. В приложении я ставлю напротив этих адресов пометку «Не застали дома», но ощущение неприятное. Сложно не принимать такое близко к сердцу.

– Все ясно, – говорит Майя, пока мы идем к следующему дому. – Мы мешаем всем приятно проводить вечер пятницы. Я вот терпеть не могу, когда кто-то стучит в дверь.

Я поднимаю взгляд как раз вовремя, чтобы заметить на дверном проеме мезузу, оберег от злых сил.

– Тут, наверное, вообще готовятся к Шаб... погоди, кто-то идет, что ли?

– Да ладно! – Майя даже рот приоткрывает от удивления, но быстро собирается с духом и выпрямляет спину. – Ладно. Ладно. Наконец-то!

Дверь слегка приоткрывается, и в щели мы видим лицо пожилой седовласой женщины – ей лет на десять больше, чем бабушке. Она одета в голубую клетчатую пижамную футболку, джинсы и белые кроссовки.

– Здравствуйте, здравствуйте, – говорит она. – Кто тут у нас?

Майя немедленно приступает к делу. Она сияет так ярко, что я от удивления едва не делаю шаг назад. За весь день я впервые увидел ее улыбку. Конечно, она не сидела все это время с кислым выражением лица. Но улыбка! Это прямо выход на следующий уровень. Она настолько...

Ладно. Не стоит и начинать. Вообще нет смысла.

– Здорово. Здравствуйте! Меня зовут Майя, а это Джейми, мы пришли поговорить с вами в рамках избирательной кампании Джордана Рос...

– Какой приятный сюрприз. Заходите же! Меня зовут Барбара. – Старушка поворачивается, знаком призывая нас следовать за собой.

Вот это поворот. Что там было насчет того, насколько безопасно заходить в дома незнакомых бабушек? В сценарии о таких ситуациях нет ни слова. И в наши планы это тоже не вхо-

дило. Это никоим образом не напоминает похищение, но мне все равно кажется, что нас сейчас похитят.

Мы с Майей обмениваемся испуганными взглядами.

Я откашливаюсь.

– К-хм. Мы только...

– Чего же вы ждете? Заходите!

Я кидаю на Майю беспомощный взгляд. Она вцепилась в пачку листовок, словно боится, что их унесет ветром. Судя по выражению лица, она не возражала бы, если бы этот ветер унес заодно и ее. Но Барбара по-прежнему ждет нас в коридоре.

Я делаю глубокий вдох и переступаю порог.

– Что вам принести? Лимонад? Сладкий чай?

– Я ничего не хочу, спасибо, – качает головой Майя.

– Ничего? Хорошо. Я просто принесу печенья. Это недолго. Вы пока садитесь вон на тот диван.

Я устраиваюсь поудобнее, Майя садится рядом на самый краешек, так что кажется, что она и не сидит вовсе.

– Похоже на сказку, – слышу я ее шепот. – На страшную сказку.

– Читаешь мои мысли.

– Кажется, она возвращается. Что там... ах да!

Стоит Барбаре шагнуть в комнату, как лицо Майи преобразается, и я несколько секунд изучаю ее, удивляясь этому. У меня и собой-то быть с трудом получается, а она так легко перевоплощается в кого-то другого буквально на полуслове.

– Прошу, угощайтесь, – решительно предлагает Барбара, опуская перед нами тарелку с печеньем, которое выглядит довольно старым. Мой желудок немедленно отзывается радостным урчанием, так что приходится все же взять штучку. Не такими уж и старыми они, в конце концов, выглядят, правда? Я выбираю ванильную – по крайней мере, на вид она ванильная – с шоколадной конфетой посередине и откусываю крошечный кусочек. Майя смотрит на меня в ужасе, но на самом деле все не так и плохо. Печенье действительно немного подсохло, но есть можно.

Барбара усаживается перед нами в кресло, и Майя наклоняется вперед, вручая ей листовку.

– Спасибо, что нашли время поговорить с нами, – радостно начинает она. – Как я и сказала, мы пришли сюда в рамках избирательной кампании Джордана Рос...

– Ой, какой хорошенький, – перебивает ее Барбара, изучая сквозь очки портрет Россума на листовке. Потом поворачивается ко мне. – Этот молодой человек очень сильно на вас похож!

– Э... Спасибо?

У меня полное ощущение, что мы провалились в параллельную вселенную безумия. Я похож на Россума? Мы оба, безусловно, белые темноволосые евреи, но на этом сходство заканчивается. Он кандидат в сенат штата, а я... Я – это я. Бросив быстрый взгляд на Майю, я вижу, что ей больших усилий стоит сохранять серьезное выражение лица. Когда наши взгляды встречаются, на ее губах появляется улыбка и ей приходится закрыть рот ладонью.

Барбара тем временем с улыбкой смотрит то на нее, то на меня.

– Я в жизни не встречала такой милой парочки, как вы.

– Парочки? – Майя убирает от лица руку.

– У меня есть для вас совет, а к советам пожилой дамы, которая кое-что знает об отношениях, стоит прислушиваться. Говорить, что вам стоит ходить на свидания и с другими людьми, я не буду, просто не торопитесь вступать в брак. Дайте себе время и постарайтесь узнать друг друга получше, а потом уже делайте финальный шаг.

Просто замечательно. Теперь я не смогу смотреть Майе в глаза. Значит, незнакомые старушки считают, что мы встречаемся? И не просто встречаемся, а готовы вступить в брак. И от этого нас надо отговаривать. Что вообще происходит?

Я старательно изучаю свои коленки. Щеки у меня горят.

– Мне кажется, отношения между представителями разных народов – это так здорово, – продолжает Барбара. – Нет, правда! Мой внук, Джошуа, женился на чудесной девочке. Ее зовут Приша. На свадьбу к ним прилетела ее семья из Индии. Праздник получился замечательный. Столько красивых обрядов и ритуалов... Впрочем, вам наверняка все это известно. – Она улыбается Майе, которая, кажется, в ужасе. – Но вот...

– Понятно. – Я прочищаю горло. – А мы хотели бы рассказать вам о Джордане Россуме, если вы не против.

– Конечно! – Барбара снова опускает глаза на портрет. – Такое приятное лицо. Честное слово, он выглядит таким юным, словно только что получил права.

– Да-а. – Я бросаю быстрый взгляд на Майю. – Он и правда выглядит молодым, но на самом деле за плечами Джордана Россума годы работы на благо жителей штата Джорджия и нашего округа в частности. К тому же...

– Он еврей? – спрашивает Барбара. – Похож на еврея. Интересно, не встречала ли я его родителей в синагоге. Напомните, как его зовут?

– Джордан Россум. Р-О-С...

– На листовке написано, – перебивает Майя. – На ней вообще очень много полезной информации о его предвыборных обещаниях. Знаю, что многих интересует его отношение к системе здравоохранения...

– Знаете, кого он мне напоминает? Старшую дочку Шапиро. Надо позвонить Нэнси.

– Кла-асс. – Я снова кошу глазами на Майю. – Можем ли мы рассчитывать на ваш голос 9 июля?

Барбара смотрит мне прямо в глаза.

– Скажите мне, этот юноша – демократ?

Я киваю.

– Что ж. В таком случае можете сказать ему, что он и правда может рассчитывать на мой голос. Это однозначно.

Я бросаю еще один взгляд на Майю. В этот раз она улыбается искренне.

– Это было... интересно, – говорит Майя. Мы вышли на дорожку и теперь машем Барбаре. – Я-то боялась, мы повторим судьбу Гензеля и Гретель.

– Я был вполне готов к тому, что печенье со мной заговорит. Как тот имбирный пряник из «Шрека».

Майя смеется, и я чувствую легкое головокружение. И быстро отвожу взгляд.

– Не знаю даже, можно ли так вообще.

– Что именно?

– Заходить в чужие дома и есть чужую еду. – Я потираю лоб. – Вдруг это поведение, недостойное агитатора кампании? Гейб постоянно нас этим пугает. Дескать, на таких мелочах и попадаешься потом.

– Думаю, все в порядке. – Майю мое предположение, кажется, рассмешило. – Она хотя бы открыла нам. И даже согласилась голосовать за Россума!

И тут я осознаю это в полной мере: у нас получилось! У меня получилось. Я только что беседовал с совершенно незнакомым человеком и при этом не подавился, не опрокинул стол, да и вообще не натворил дел. Более того, я это пережил и могу теперь рассказать вам всю историю.

Заполняя статистику в приложении, я ставлю напротив адреса Барбары: «Точно придет» – и чувствую, как сердце снова наполняется радостью. Может быть, Гейб все это время был прав. Может быть, этого достаточно, чтобы склонить чашу весов в нужную сторону. Никогда не знаешь, как все обернется. Вдруг Россум победит с перевесом в один голос, и это будет голос Барбары. Вдруг мы с Майей за один день изменили положение дел в округе.

Изменили историю.

Думаю, именно сейчас я впервые пожалел, что не могу дать пять самому себе. Я бы предложил это Майе, но она, скорее всего, сочтет такое проявление эмоций странным и излишним. Подозреваю, ей не захочется праздновать победу на основании обещания единственного избирателя.

Но когда я поднимаю глаза от телефона, она по-прежнему улыбается.

Может, все же...

– Слушай, – медленно говорю я, стараясь следить за голосом, – если вдруг ты захочешь снова...

Ее улыбка гаснет. Черт. Ладно.

– Или нет, – поспешно добавляю я. – Или... ну... Ты можешь сама ходить по домам с агитацией. Или не сама, а с кем-то другим. Нет проблем. Или мы можем потом сходить вместе. Если захочешь. Я не настаиваю. Просто хочу сказать, что Гейбу все время нужны волонтеры. Так что я предлагаю снова пойти на агитацию... если ты захочешь. Как настроение будет. – Я выдавливаю улыбку. – Да, нет, возможно, – как в приложении написано. Ха-ха.

Майя поджимает губы.

– Ладно, слушай, я тебя задерживаю, а тебе ведь наверняка надо сделать кучу дел. Прости. Забудь, – говорю я. У меня уже горят не только щеки, но и все лицо. Вряд ли это нормально в беседе о волонтерстве. Гейб, впрочем, и правда постоянно ищет желающих, так что тут я ничего не придумал.

– Я не... – Она вытаскивает телефон, смотрит на экран и прячет его обратно в карман. – Не знаю, Джейми.

– Ну и ладно. – Я робко улыбаюсь. – Это третий вариант. Возможно.

Она улыбается в ответ и медленно качает головой. А в моей груди снова рождается желание дать самому себе пять.

Глава шестая. Майя

Сегодня суббота.

Обычно в это время папа сидит на оттоманке и смотрит футбол. А мама набрасывает список покупок. После чего мы дружно спорим, чья очередь складывать выстиранное белье.

Но сейчас телевизор молчит. На оттоманке никого нет. И свет в родительской спальне включился вот только что. В доме царит тишина, если не считать хруста, с которым Уиллоу жуёт свой завтрак из миски у холодильника. Я так крепко сжимаю в руках книгу, что костяшки пальцев побелели.

– Привет, милая, – говорит мама, подходя ко мне и зевая. Поверх пижамы она набросила белый халат. Я внимательно изучаю ее лицо. Чувствует ли она себя так же странно? Каково ей начинать первый наш выходной без папы? Может, ей так легче? Но мамино лицо ничего не выдает. – Что там у тебя? – она кивает на книгу.

– «Святые и грешники».

– Снова?

– Так книжка хорошая. В библиотеке для меня тоже кое-что отложено.

– Я постараюсь заехать к ним по пути с работы в понедельник, – обещает мама. – Какие планы на сегодня? Машина твоя, если понадобится.

– Сара говорит, у нее, возможно, выдастся свободное время днем.

– Это было бы здорово. Вы с ней почти не видите. Как ты? Переживаешь, что она скоро уедет?

Я перевожу взгляд на стойку.

– Представить не могу, какой будет моя жизнь без нее.

– Но она ведь так и останется частью твоей жизни, – успокаивает мама. – К тому же существуют каникулы и праздники, на которые она будет приезжать домой.

– Это не то же самое.

– Мне правда жаль, Майя. – Она кладет руку мне на плечо. – Так много всего происходит. Столько испытаний за такое короткое время.

Я смаргиваю слезы.

– А как... твои ощущения от всего остального? – мягко спрашивает мама.

Яжимаю плечами. Ощущается так, словно меня молотом ударило. Но она-то и так это знает, разве нет?

– Самое ужасное, что я не знаю, сколько это продлится.

– Я тоже, – осторожно отвечает мама.

У меня жужжит телефон. Сообщение от Шелби Янг. Мы учимся вместе.

Шелби: Матео и Оливия собирают всех в кинотеатр на новый фильм «Марвел». Встречаемся в 20:20. Ты идешь?

Майя: Я бы с радостью, но сегодня столько дел. Простите!

Шелби: Из моих знакомых ты самая занятая! Увидимся в следующий раз?

Майя:

Я откладываю телефон.

– Это Сара? – спрашивает мама.

– Нет, Шелби. Звала в кино.

– Звучит неплохо. Тебе стоит пойти.

– Ненавижу смотреть кино в зале. Вечно сижу как на иголках.

– Но разве не здорово было бы с ней встретиться? Вы с окончания учебного года не виделись. Может, ты присоединишься к ним вечером и перекусите вместе после окончания поста?

Я снова пожимаю плечами. Да, Шелби – моя подруга. Весь учебный год мы вместе ходим обедать и обсуждаем «за» и «против» своих крашей из мира звезд (мне уже год нравится Джим Халпрет, персонаж из сериала «Офис», и пока ничего не поменялось). Но она моя школьная подруга. Наши отношения не существуют за пределами кампуса. Я не избегаю общения, ничего такого. У меня множество знакомых. Например, Кевин. Просто я ценю качество, а не количество. И уровень качества, к которому я привыкла, – это уже много лет общение с Сарой.

Телефон жужжит снова.

Это Джейми. Перед тем как уходить из штаб-квартиры, мы обменялись номерами.

Джейми: Не мог не поделиться.

Я открываю сообщение. Это гифка с кадром из «Шрека»: кричащий пряничный человечек отправляется прямиком в печь.

– Боже, нет. – Я смеюсь, закрыв рукой рот.

– Что там?

– Джейми мне гифку прислал. Мы вчера ходили по домам с агитацией и встретили даму, которая угощала нас печеньем в лучших традициях сказки про Гензеля и Гретель. Она была милая, но мы сначала все равно немного испугались.

– Значит, было не так уж и плохо?

– Не худшее, что со мной могло случиться.

– Не думаешь сходить еще разок?

– «Не худшее, что могло случиться» – довольно широкое понятие. Одного раза достаточно.

Я снова смотрю на гифку и начинаю рыться в телефоне, чтобы тоже что-нибудь ему отправить. Мама прочищает горло.

– Я думала о том, что ты говорила про машину...

Так-так? Я немедленно откладываю телефон на столик.

– Сара действительно скоро уедет в университет, у меня сейчас очень напряженный график, а значит, тебе будет гораздо сложнее ездить по городу, чем раньше...

– Точно, – подхватываю я. – А так я смогу сама и в школу осенью ездить, не дожидаясь тебя или папу. В долгосрочной перспективе это сэкономит тебе время. И мне не нужно что-то красивое. Даже не важно, будет ли кондиционер работать.

– Посмотрим, что мы можем себе позволить. У нас кредиты на учебу, ипотека и расходы на лечение твоей бабушки, так что бюджет трещит по швам. А еще ведь оплата аренды двух домов и их содержания, по крайней мере пока. Все не так просто, как может показаться.

Она упомянула два дома и сказала «пока».

Не «навсегда». Нет. «Пока».

Я хватаюсь за это слово как за спасательный круг.

– Я подумала, – продолжает мама, – раз вы с Джейми неплохо провели время вчера, пока занимались агитацией, почему бы вам не продолжить?

– Мам, нам нужно серьезно поговорить о том, что означает фраза «Не худшее, что со мной могло случиться». Все было нормально, но я не так хотела бы провести лето.

– Давай подойдем к этому так: у меня есть предложение. Ты продолжаешь заниматься агитацией, а мы с папой думаем о том, чтобы купить тебе машину.

– После выборов?

– Ага. В этом случае выигрывают все. Ты отработываешь часы волонтерства, о которых все равно потом спросят в школе, и не сидишь сиднем все лето в ожидании звонка от Сары. И за это...

– Я получу машину! Я за нее расплачусь. Как только вы ее купите, я устроюсь на работу и...

– Не обязательно. Агитация – это тоже работа.

– Тогда я сама оплачу страховку и бензин. Вам ни о чем не придется думать. Обещаю, я буду вести себя очень ответственно.

– Конечно, милая, – улыбается мама. – Мы договорились?

– Да! – Я удаляю гифку, которую собиралась отправить Джейми. И вместо этого пишу сообщение.

Майя: Как думаешь, у нас получится присоединиться к агитации сегодня вечером?

Почти сразу я вижу значок: он что-то печатает.

Джейми: С четырех до шести все свободно. Записать нас?

Майя: Увидимся в штаб-квартире.

Если для того, чтобы получить машину, мне придется каждый день играть в Гензеля и Гретель, я соглашусь без раздумий.

В этот раз все адреса, по которым мы должны пройти, находятся в совершенно другом районе. Дома тут и вовсе гигантские, причем каждый окружен лужайкой, так что похож на замок. За тридцать минут мы успели обойти всего пять домов. Из них только в двух нам кто-то открыл и согласился взять листовки.

– Следующие восемь адресов вон там. – Джейми шурится и показывает вверх по улице.

– Так далеко? – охаю я. Нам же придется почти всю улицу пешком пройти. – А что, поближе демократов не нашлось? Или хотя бы тех, кто не поддерживает ни одну партию?

– Тут вообще, кажется, в основном живут консерваторы. Вряд ли нам встретятся милые еврейские бабушки с тарелкой печенья.

Прежде чем двинуться дальше, Джейми еще раз проверяет все бумаги.

– Кстати, о печенье! – Я поворачиваюсь к нему, потому что, честно говоря, это был довольно решительный шаг – взять на себя смелость попробовать выпечку Барбары от лица нас обоих. Не слишком разумно, но смело. – Никаких побочных эффектов после вчерашнего?

– Оно было не такое уж и невкусное. Моя бабушка постоянно такие делает. Там главное – не запечатывать их сразу в пакет, а дать сначала остыть часок. У Барбары, конечно, получилось хуже, чем у бабушки, но их вполне можно было есть. – Он достает телефон и быстро смотрит на экран. – Ты ведь ее видела, мою бабушку. В штаб-квартире. – Тут Джейми замолкает и смотрит в сторону.

– Твою бабушку? – Я краснею. – Это была твоя бабушка? Ой... ой-ой. Я не хотела... – тут уже умолкаю я. Интересно, заметил ли он, как я на нее смотрела?

– Она официальный представитель прессы в избирательной кампании Россума, но свой аккаунт в Instagram¹¹ у нее тоже есть – и он очень популярен. У нее отлично получается делать фотографии и придумывать подписи, и видела бы ты ее хештеги! А вот с фильтрами и историями она пока справляется хуже, поэтому я обеспечиваю ей техническую поддержку.

– У твоей бабушки собственный аккаунт?

– Ага. – Теперь он смотрит прямо на меня. – InstaGramm.

– Да я поняла, что в Instagram*. – Я стараюсь скрыть раздражение. Сначала история с крекерами, теперь вот это. Издевается он, что ли?

---

¹¹ Организация, деятельность которой признана экстремистской на территории Российской Федерации.

– Да нет же, – быстро перебивает меня Джейми. – Это не совсем в ее стиле, но именно под этим ником ее все знают в интернете. Insta – это от Instagram, а Gramm – это же «бабушка». Как в Grandma.

– Ого. Это отличная идея, – говорю я после небольшой паузы.

– Она правда довольно популярна, – улыбается Джейми. Очевидно, что он гордится бабушкой, и это даже мило. – То, что она выкладывает, всегда получает огромный отклик. Не знаю, как ей это удается. Когда я в прошлый раз проверял, у нее было десять тысяч подписчиков. – Он снова достает телефон, нажимает на иконку приложения и передает мне. – Она обычно делает фотографии с Бумером, это ее пес. И людям очень нравится. Она местная звезда.

Я загораживаю экран от солнечных лучей и останавливаюсь рядом с Джейми, чтобы полистать снимки. На одном его бабушка сидит в обнимку с Бумером в парке Пьемонт. На следующем снова они же, но в одинаковых гавайских рубашках. На третьем бабушка потягивает кофе со льдом, а Бумер старательно портит кадр. На четвертом я замираю. Это старая фотография, но я все равно узнаю бабушку Джейми, несмотря на огромные модные очки. На снимке ей, наверное, около двадцати, а рядом с ней мужчина с темными волосами и такой же, как у Джейми, улыбкой. Они сидят на одинаковых садовых стульях со стаканами холодного чая и смотрят друг другу в глаза.

– Это дедушка, – говорит Джейми. – Он умер, когда мне было девять. Бабушка выкладывает такие фотографии с хештегом #четверг_для_воспоминаний.

– Так мило!

– Они такими и были: даже спустя сорок лет брака все время держались за руки и были влюблены друг в друга.

Мои родители тоже такими были. Держались за руки. Смотрели друг на друга из разных концов комнаты, полной людей, и обменивались улыбками, значение которых даже я не могла разгадать. Помню, как закатывала глаза, если утром перед школой входила на кухню и заставала их стоящими рядом с чашками кофе в руках: головы соприкасаются, из окна льется солнечный свет. Так продолжалось восемнадцать лет. И большую часть этого времени они были счастливы. По крайней мере, мне так казалось. Хотела бы я знать, почему некоторые люди до старости держатся за руки, а некоторые – нет.

Не знаю уж почему, но нам неожиданно открывают в нескольких домах подряд. Пятеро обещают прийти на выборы, одна дама пожимает плечами и отвечает: «Возможно», но и это лучше, чем стоять у закрытой двери, пока обитатели дома подглядывают за нами из окна на верхнем этаже. Я бы сказала, они ведут себя немного странно, но ведь это мы стучимся к ним, а не наоборот.

Когда нам снова открывают, я даже не сразу понимаю, что узнаю человека, который стоит на пороге. Не знаю, почему меня так удивила эта встреча. Мы ведь всего в шести километрах от моего дома, было бы странно не встретить тех, с кем я знакома. Но я все равно растерялась.

– Кевин? – удивляюсь я и слышу в унисон голос Джейми. Они-то откуда знакомы?

– Майя? – Кевин улыбается мне и переводит взгляд на моего спутника. – И Растяпа фон Криворук, верно? Вы что тут делаете?

Фон кто?

– Мы агитируем население перед выборами, – отвечает Джейми, покраснев. – Собираем голоса за Джордана Россума.

– Точно, – поддакиваю я. – Ваши родители дома, юноша? Мы хотели бы с ними поговорить.

– Мама уехала за покупками, но мне уже восемнадцать, между прочим. Попытайтесь убедить и меня голосовать за него?

- Это дело безнадежное, – говорю я.
- Что? Почему? – переспрашивает Джейми.
- Майя права. Только зря время потратите. – Кевин берет у меня листовку и подносит к глазам. – «За Россума горой – он крутой»? Серьезно?
- Но ты же не решаешь, кому отдавать свой голос, только на основании дурацкого слогана? – не сдается Джейми.
- Джейми... – Я бросаю на него косой взгляд. Значит, не так уж хорошо они и знакомы, раз он пытается уговорить Кевина голосовать за Россума. – Этот парень до мозга костей республиканец. Поверь, мы с ним вместе на историю США ходили.
- Сейчас я скорее либертарианец, – поправляет Кевин. – Но эта предвыборная кампания пока не производит впечатления. Я не думаю, что вообще буду голосовать за кого-то. Если победит Ньютон, его партия получит квалифицированное большинство голосов, сможет избежать любого вето и проводить любые законы, которые пожелает. Естественно, тролли сейчас активно работают против Россума.
- Тролли? – Настал мой черед удивляться. – Я ничего такого не видела.
- И про Фифи не слышала? В новостях на прошлой неделе только об этом и говорили.
- Фифи? – Мы с Джейми снова говорим хором.
- Знаешь этот мем про Фифи, кудрявую болонку? В котором она сидит с чашкой чая и пьет за превосходство белых?
- Я видел. Он по всему интернету сейчас мелькает.
- Уже не только по интернету. Некоторые местные тролли делают наклейки с Фифи, крадут магниты с Россумом, которые люди крепят на машины, и вместо них клеят ее на бамперы.
- У мамы такие магниты на обеих машинах, – вспоминает Джейми.
- А я, кажется, недавно видела у кого-то такую собаку... – Я растерянно умолкаю.
- Она повсюду. И главное, ее просто так не снять. Можно разве что содрать чем-то острым, но тогда ты и машину поцарапаешь.
- Ничего себе, – выдыхаю я. – Это ж...
- Гадко, – кивает Кевин. – Я тоже так думаю. Мне не нравится ваш Россум. У него мало опыта, и дебаты он ведет неважно. Но клеить наклейки на чужие машины без согласия владельца – это вершина троллинга. И я слышал, на некоторых наклейках есть антисемитские лозунги. – Он прячет листовку под мышку. – Я отдам ее маме, когда она вернется. Запишите, что она придет. И точно будет голосовать.
- Мы благодарим его, а потом возвращаемся на тротуар.
- Откуда ты знаешь Кевина Маллена? – спрашиваю я, пока мы идем к следующему дому.
- Он работает в «Таргете», том, который возле другого сетевого магазина, «Пабликса». Там еще раньше «Стейплз» находился. Я... мы там столкнулись недавно.
- Мне нравится этот «Таргет».
- По-моему, это лучшее место на планете.
- Я смеюсь, но у Джейми лицо серьезное, кажется, он говорит совершенно искренне.
- Да ты шутишь! А как же «Дисней», Большой Каньон, Исландия?..
- Майя, у них в пекарне можно бесплатно взять печенье! На табличке написано, что это до двенадцати лет, но я всегда беру штучку, и никто даже глазом не моргнул. Это же здорово. Я бы там жил, если бы можно было.
- Возможно, тебе и разрешат, раз сотрудники магазина тебя уже узнают.
- Я произвел на Кевина неизгладимое впечатление, – смущенно признается Джейми.
- Чем именно?
- Маленькой оплошностью.
- Он поэтому назвал тебя фон Криворуком?

– Все из-за того стенда с танжело. – Джейми морщится. – Я взял один, а остальные тут же посыпались на пол.

– Погоди-ка! – Я замедляю шаг. – Так это ты был? Я там тоже была!

– Ага, – краснеет он. – Я вроде бы тебя видел...

– Ты устроил переполох.

– В свое оправдание хочу сказать, что пирамида из совершенно круглых фруктов – это как бомба замедленного действия. Но Кевин был ко мне очень добр. – Джейми робко поднимает на меня взгляд. – Как и ты, когда я стал человеком, который опрокинул стол с едой в помещении, где все целый день не ели.

– Поверь, если бы ты попробовал те пышки на вкус, то точно знал бы, что сделал остальным одолжение. – Я бросаю быстрый взгляд на часы. Уже почти шесть. Ничего себе!

– Хорошие новости: остался только один дом, вон тот, напротив. – Он указывает на здание, отделанное серой штукатуркой.

– Жильцы точно дома, – говорю я, указывая на открытую дверь гаража и стоящие внутри машины.

– Теперь посмотрим, откроют ли они дверь, – отвечает Джейми. – Ставлю на то, что нет.

– Ставлю на то, что откроют!

– Проигравший угощает победителя пончиками на обратном пути, – предлагает Джейми, прыгая по ступенькам.

«У меня пост, Джейми!» – едва не кричу я, но он уже звонит в дверь. Ну как можно быть таким: сначала крекеры в машине, теперь это. Впрочем, я могу взять пончик с собой и съесть вечером, если выиграю. Желудок согласно урчит. Пончик сейчас пришелся бы очень кстати.

Но когда дверь открывается, все мысли о пончиках и посте улетучиваются из моей головы. На пороге стоит мужчина. Он немного старше моего папы, лысоват и одет в голубую футболку с изображенной на груди рыбой-мечом.

И смотрит на нас.

Я бы даже сказала, тарашится.

Прямо на меня.

И вся непринужденность, которую я чувствовала, исчезает.

Джейми, похоже, тоже что-то почувствовал. Он молчит.

– Итак? – Мужчина обводит взглядом нас обоих. – Что вам нужно?

– Ох, простите. – Джейми прочищает горло. – Вы... – Он опускает глаза на папку, которую держит в руках. – Вы Джонатан Хайд?

– Джонатан Хайд – владелец этого дома. Он его мне сдает. Сам не живет тут уже много лет. Что вам от него нужно?

– Мы проводим агитацию от лица Джордана Россума. Он баллотируется в сенат штата на внеочередных выборах, – быстро говорю я. Кажется, я выучила эти слова наизусть, потому что могу произнести их несмотря на то, как бешено колотится сердце. – Россум обещает нашему округу надежду и перемены, поэтому каждый голос очень важен. Вот тут есть подробная информация.

Я передаю ему листовку.

Он смотрит на нее, но не берет в руки.

– Этот парень – демократ, верно? – В его устах это слово звучит как ругательство, словно ему физически неприятно произносить его. – Правильно ли я понимаю, что, раз вы ломитесь ко мне в дверь, я снимаю жилье у демократа?

– Мы обходим демократов и тех, кто не поддерживает ни одну партию, – неуверенно поправляет его Джейми. – Вы хотите взять листовку и прочитать остальное?

Мужчина продолжает смотреть на нас, уперев руку в дверь. Я бросаю быстрый взгляд на Джейми. Почему он вообще ждет ответа? Этот человек точно не собирается голосовать за Россума. Можем вычеркнуть его из списка и продолжать жить спокойно.

– Слушайте, – говорит наконец мужчина, – не хочу никого обидеть, просто скажу как есть. Думаете, вы кого-то здесь заставите голосовать за своего кандидата, если она так и будет стучать в двери? – Он поднимает волосатый палец и тыкает в моем направлении.

Не притрагивается.

Он вообще метра в двух от меня и наполовину прикрыт дверью.

Но я чувствую себя так, словно меня ударили.

– Вы подумайте, – говорит он Джейми. – Нужно внимательнее относиться к тому, что лучше бы скрывать. – Он снова кивает в мою сторону. – Я все понимаю, политкорректность – это важно и все такое, но так голоса не получишь. Не в этом районе. Вы бы передали это своему Россуму. Нам и правда нужны перемены, да только не те, которые он обещает.

И прежде чем мы успеваем сказать хоть слово, он захлопывает перед нами дверь.

Джейми сейчас похож на белку, которую мама чуть не сбила на дороге, когда в прошлом году утром везла меня в школу очень-очень рано. Ей пришлось резко нажать на тормоза, потому что белка сидела и смотрела прямо в глаза приближающейся смерти, но, кажется, была слишком напугана, чтобы двинуться с места.

Я знаю, некоторые разделяют взгляды этого мужчины. Но как можно было сказать мне все это в лицо, так буднично, словно речь шла о погоде? Я нередко слышу расистские замечания, особенно когда выхожу куда-то вместе с мамой, потому что она носит хиджаб. Люди бормочут их себе под нос, проходя мимо, или так смотрят за стойкой кассы, что ты сразу понимаешь, что этот взгляд должен означать. К такому я привыкла. Но это...

Нужно убираться отсюда. Прежде чем он снова выйдет на порог. Прежде чем сделает что-то похуже. Я окидываю взглядом дверь и делаю глубокий вдох. Полотно двери сделано из темного красного дерева, я даже вижу его узор. Дверная ручка цвета выцветшей латуни, края ее потертые.

– Эй, – различаю я вдруг голос Джейми. – Майя, ты меня слышишь?

Я поворачиваю голову и встречаю его взгляд. Сколько раз он уже окликал меня по имени?

– Ты в порядке?

Я оцепенело киваю. Джейми осторожно берет меня под локоть, и мы аккуратно спускаемся по ступенькам, чтобы выйти на тротуар.

– Слушай, – говорит он, – этот мужчина... он был... он вел себя как чудовище. Знаешь, что я думаю? Думаю, нам стоит... – Он замолкает и смотрит на меня в нерешительности.

«Боже, Джейми, – думаю я, закусив губу и стараясь не заплакать. – Прошу, только не говори, что собираешься вернуться, снова постучать в дверь и попытаться заступиться за меня». Уверена, что могу легко предсказать, куда пойдет подобный разговор.

Но он предлагает не это.

Следующая фраза Джейми оказывается настолько непредсказуемой, что выводит меня из ступора.

– Как насчет «Таргета»?

– Что?

– Он как раз по пути в штаб-квартиру, – быстро добавляет Джейми. – Ты уже видела отдел товаров для террас и внутренних дворики? Там есть голубая подсветка и много чего еще. Заходишь туда, и кажется, что попал на самую странную в мире вечеринку в саду. Хочешь посмотреть?

В его глазах я вижу тревогу. И если честно, мне будет хорошо где угодно, лишь бы не здесь.

– Класс, – говорю я. – Поехали.

Глава седьмая. Джейми

Нужно было что-нибудь ответить.

Я раз за разом прокручиваю в голове весь эпизод. То, как этот расист смотрел на Майю, будто хотел испепелить взглядом. То, как в уголке его рта поблескивала слюна. То, с каким звуком захлопнулась перед нами дверь. Пока он говорил, мое сознание как будто разделилось. Я видел все происходящее со стороны, словно в кино.

Майя смотрела на дверь не моргая. Ее лицо абсолютно ничего не выражало, и от этого у меня все сжалось внутри. Она была шокирована не меньше моего. Даже больше. И выглядела так, словно у нее земля ушла из-под ног.

Нельзя, чтобы такое происходило.

Эта мысль, как заевшая пластинка, повторяется и повторяется в моем мозгу всю дорогу до «Таргета».

– Тем, кто руководит избирательной кампанией, следует обновить данные, – говорю я, покосившись на Майю, пока мы стоим на светофоре на Розуэлл-роуд.

– Ага.

– Нельзя, чтобы такое происходило. Это же смешно. Мы в Санди-Спрингс, не где-нибудь в глубокой провинции Джорджии. Это не нормально.

– Это и в провинции не нормально, – замечает Майя.

– Точно, – киваю я, краснея.

Мне кажется, люди серьезно недооценивают отдел товаров для оформления двора в «Таргете». Поймите правильно: во всем магазине Wi-Fi ловит просто ужасно, и обычно это заставляет меня нервничать, тем более что и сотовой сети здесь почти нет. Но стоит мне зайти в этот отдел, все остальное перестает иметь значение. Нет лучше места, чтобы спокойно сесть и подумать.

– Не знаю, хочешь ли ты опробовать все стулья на экспозиции, – говорю я. – Но если что, я в них отлично разбираюсь.

– В стульях? – с улыбкой уточняет Майя.

– Давай скажем так: я хорошо ориентируюсь во всем отделе. И на этом остановимся.

Майя с улыбкой смотрит на меня еще пару секунд, и у меня в животе словно стайка бабочек вспархивает.

– Что ж, – говорит она, – раз ты разбираешься в стульях, какие из них самые удобные?

– Вон те два, – решительно указываю я на пару стульев, стоящих под плетеным деревянным навесом. – К тому же они ближе всего к голубым светильникам, это тоже важно.

– Понятно, – тянет Майя, прохаживаясь по отделу и разглядывая выставленную на экспозицию мебель, ряды мангалов для барбекю и рулоны уличных ковриков. – Мне определенно придется опробовать их все.

– Не доверяешь моему мнению? – притворно возмущаюсь я, положив руку на сердце.

– Ни капельки. – Она усаживается на ближайший стул и торжественно кивает. – Неплохо.

– Да, но...

– Но подлокотники какие-то странные.

– Вот видишь! Я то же самое хотел сказать! Кому нужны такие низкие подлокотники? Зачем они вообще?

– Может, это просто у нас руки слишком высоко расположены?

Она встает и пересаживается на заваленные подушками кресла для веранды, но успевает перебраться на шезлонг до того, как я сажусь рядом. После шезлонга Майя обходит несколько стульев из обеденного гарнитура, установленных вокруг столов, потом проводит несколько

секунд на лавочке, а затем – на плетеных коричневых стульях с оранжевыми подушками. Каждый раз она опускается на сиденье с таким видом, словно ведет реалити-шоу и сейчас ей нужно судить состязание, не выдавая своих предпочтений.

Дольше всего Майя задерживается в плетеном кресле с двумя подушками, напоминающем яйцо.

– Ух, мне так нравится!

Однако, выбравшись из него, она делает круг по отделу и возвращается к самой первой паре стульев под плетеным навесом.

– У нас есть победитель!

– А я ведь говорил, – напоминаю я, усаживаясь рядом. – Можно было сразу прислушаться.

– Пф, мы оба знаем, что самое удобное все равно кресло-яйцо. Но тут мы можем сидеть вместе. Не благодари.

Майя усмехается, я усмехаюсь в ответ, стараясь не обращать внимания на то, как сильно у меня колотится сердце. Рядом с ней мне на удивление комфортно.

Несколько секунд мы молчим.

– Ладно, – говорю наконец я.

– Итак, – говорит одновременно со мной Майя.

– Ты первая.

– Нет, ты.

– Ладно. – Я собираюсь с духом. – Просто... я хотел спросить, как ты себя чувствуешь после... ну...

– Встречи с тем расистом?

– Ага. Майя, прости, что я не...

– Все в порядке. Ты вел себя правильно. Нас обоих это задело.

– Да, но я должен был за тебя заступиться. Или вернуться и...

– Нет-нет-нет. Плохая идея. – Она закидывает ногу на ногу и наклоняется ко мне. – Это всегда плохая идея. Слушай. То, что сегодня случилось, отвратительно. Никто не говорил мне такого в лицо, но в остальном... поверь, он не сказал ничего нового.

– Но это...

– Знаю. Слушай, я знаю. Это мерзко. Просто до смешного мерзко. Но, Джейми, мы с тобой живем в небольшом городке. В Джорджии. И я пакистанка и мусульманка. Что это значит в штате, где люди выходят из себя, если кассир не поздравил их с наступающим Рождеством?

– Ну да...

– Быть мусульманкой здесь и где-нибудь в Нью-Йорке – это разные вещи. Хотя, думаю, и в Нью-Йорке все не так радужно. Люди иногда ведут себя ужасно. И... в последние годы ситуация стала хуже. Сам знаешь почему.

Я смотрю на нее, и у меня внутри все сжимается, когда я вижу выражение ее лица. Не думаю, что мы раньше вообще говорили о религии. О том, что я еврей, а она мусульманка. Нам было шесть лет, вряд ли в таком возрасте можно серьезно задумываться о религии. Сомневаюсь, что между играми в «Прыжке» нам приходило в голову делиться друг с другом наблюдениями по поводу исламофобии и антисемитизма. Я и слов-то таких тогда не слышал.

А теперь только их и слышу. Может, это потому, что мы стали старше. Или мир стал хуже.

– Меня просто раздражает все это.

История ведь не этому нас учит. А тут ощущение такое, словно мы двигаемся назад во времени.

– И меня раздражает.

Еще пару секунд мы просто смотрим друг на друга.

– Но мы можем все исправить. Я хочу в это верить, – говорит Майя. – Помнишь тот ифтар? Когда все сообщество объединилось вокруг Россума? В нашем округе много хороших людей.

– Ты прямо как моя бабушка. Она всегда говорит, что на одного плохого человека в мире найдется минимум два хороших.

– Она мне нравится, – улыбается Майя. – А ты бабушкин внучок, да?

– Это как маменькин сынок?

– Это как маменькин сынок, только в два раза хуже.

Я склоняю голову набок и стараюсь не улыбаться.

– Маменькиным сынкам ни в чем нельзя быть хуже!

– Тебе ли не знать.

– Мы вроде решили, что я бабушкин внучок. – Теперь я уже открыто улыбаюсь. – Собирайся, что ты в собственных оскорблениях путаешься!

– Мне нужно больше практиковаться. – Майя тоже расплывается в улыбке.

В «Таргете» время идет иначе. И это не просто мои домыслы, а доказанный факт, подтвержденный моей мамой. Честное слово, вы можете зайти сюда на двадцать минут, а в реальном мире за это время пройдет два часа.

С нами именно это и происходит. Судя по ощущениям, мы сидим тут минут пятнадцать, может быть, полчаса, но тут Майя подскакивает на месте.

– Наверное, уже закат!

И мне это очень нравится. Она говорит: «Уже закат!», а не «Уже восемь часов!», как принцесса из сказки.

– Ты же не пропустила из-за этого ужин? – переспрашиваю я, глядя на экран телефона с легким чувством вины. Мама, наверное, часов с шести закидывает меня сообщениями, но в «Таргете» сеть совсем не ловит. Я снова смотрю на Майю. – Могу сразу завезти тебя домой, а потом сам съезжу отдать бумаги. Или заедем в автокафе по дороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.